

18.84.

„Столица и усадьба“

1914 г. № 21.

18.84.

1914г

№ 21.

Е. Лансере. Императрица Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ.
(Третьяковская галлерей).

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Петроградъ, Москва, Варшава, Харьковъ, Кіевъ, Одесса, Николаевъ, Вильна, Ростовъ на/Д.,
Евпаторія, Баку, Рига, Енатеринославъ, Елисаветградъ, Новороссійскъ, Эривань.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЬ „КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

въ Петроградѣ 11 руб. 50 коп.
въ Россіи 12 руб. 50 коп.
за границей 40 франковъ.

Пробный номеръ высылается за 30 коп. почтовыми марками.

№ 1 (три изданія), № 2 и № 3 полностью разошлись: годовая подписка принимается теперь, начиная съ № 4.

Подписка на полгода, начиная съ № 12—7 руб. до конца года, въ Петроградѣ, Москвѣ и провинціи, и 8 руб. 50 к. за-границей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

За перемѣну адреса петроградскаго на петроград., также иногород. на иногород. или петроградскій 50 коп.

Перемѣна петроград. адреса на иногород.—1 р. 50 к.

Контора журнала покорнѣйше проситъ подписчиковъ, не получившихъ какихъ-либо №№ или получившихъ ихъ въ измятомъ видѣ, сообщать объ этомъ, по возможности, немедленно.

Отдѣльные номера у газетчиковъ не продаются—только въ больш. книжн. магаз. и кіоскахъ жел. дорогъ.

* * *

Съ большой благодарностью будутъ приняты всякія сообщенія по телефону (260-51 или 145-25) или письменно о частныхъ коллекціяхъ, отдѣльныхъ предметахъ старины или вообще произведеніяхъ искусства, находящихся въ частныхъ рукахъ, въ Россіи—они могутъ быть описаны и воспроизведены на страницахъ журнала.

Рукописи просятъ присылать по возможности писанные на машинѣ.

РЕДАКЦІЯ:

Каменный островъ, 31, Театрал. площ., соб. вилла.
Тел. 145-25.

КОНТОРА:

Невскій, 28 (д. Зингера), кв. 10 (съ Невскаго, на подъемной машинѣ, въ 3 этажъ).
Телефонъ 260-51.

Телегр. адресъ: Стиус—Петроградъ.

Объявленія (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка нонпарели (1/4 часть ширины страницы).

Цѣлая страница—400 руб.; меньше 1/16 стран. объявленія не печатаются.

При заказѣ на нѣсколько разъ—скидка до 30%.

Можно печатать любыя, самыя тонкія клише. Цвѣтная печать—цѣна по соглашенію, въ зависимости отъ рисунка.

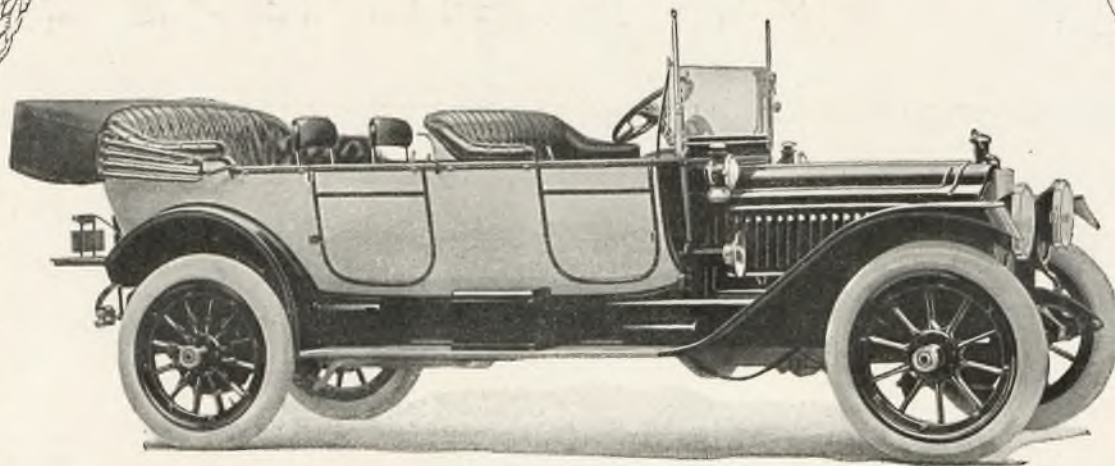
№ 22 выйдетъ 15 ноября 1914 года.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ началѣ войны дѣло было крайне затруднено тѣмъ, что краски и часть клише и рисунковъ для журнала получались изъ-за границы; журналъ печатался отчасти мастерами иностранными подданными, которые призваны на войну; мѣловой бумаги, на которой печатается журналъ, а также цвѣтной для обложекъ и вкладокъ въ Россіи имѣлись очень ограниченные запасы. Этимъ вызвана была необходимость соединить въ одинъ два номера 19 и 20: теперь на дальнѣйшіе №№ журналъ совершенно обезпеченъ бумагой, клише и другими матеріалами.

„PASCARD“

САМЫЕ ДОРОГИЕ И САМЫЕ ЛУЧШЕ ВЪ МІРѢ.

ВЪ СОЕДИНЕН. ШТАТАХЪ
СЪВЕРН. АМЕРИКИ НѢТЪ
НИ ОДНОГО МИЛЛІАРДЕРА,
КОТОРЫЙ НЕ ѢЗДИЛЪ БЫ
□ НА НАШЕЙ МАШИНѢ! □

НАШИ ПОКУПАТЕЛИ:

JOHN ARBUCKLE.
C. H. ARCHIBALD.
M-rs M. H. ASTOR.
CHARLES GOULD.
A. S. GOULD.
M. S. MAC KAY.
G. H. MORGAN.
H. W. MORGAN.
G. L. MORGAN.
G. P. MORGAN JR.
M-rs. J. PIRPONT MORGAN.
W. MORGAN.
A. G. VANDERBILT.
CORNELIUS VANDERBILT.
W. K. VANDERBILT.
M-rs. W. K. VANDERBILT JR.
M. L. SCHIFF.
M. SCHINASI.
W. G. ROCKEFELLER.
и мн. друг.

ТАКЖЕ ЛУЧШЕ ВЪ
МІРѢ ГРУЗОВИКИ.

Автомобили „Пакаръ“—самые дорогие автомобили въ мірѢ. Но практичные янки считают ихъ наиболее выгодными.

Затраченные деньги здѣсь наилучше оплачиваются. Кто не ѣздилъ на „Пакаръ“, тотъ не можетъ представить, насколько пріятна ѣзда на автомобилѢ.

„Пакаръ“ идетъ по вспаханному полю, какъ по хорошей дорогѢ.

* * *

Въ Россіи, по странной случайности, почти не знаютъ „Пакара“. А между тѣмъ онъ приспособленъ именно къ очень плохимъ дорогамъ западныхъ штатовъ Сѣв. Америки,—эти дороги не лучше нашихъ русскихъ. Въ АмерикѢ на всѣхъ дорожныхъ испытаніяхъ „Пакаръ“ получалъ и получаетъ первые призы.

* * *

Автомобилями фирмы „Пакаръ“ очень легко управлять. Они безопаснѣе и устойчивѣе всѣхъ другихъ. Остановки производятся безъ малѣйшихъ толчковъ и дерганій.

Большимъ удобствомъ „Пакара“ является его лѣвое управление и центральная контрольная доска, на которой сосредоточены всѣ механизмы автомобиля (тутъ же и пускъ въ ходъ).

* * *

Автомобили фирмы „Пакаръ“ долго не старѣютъ, благодаря ихъ прочности и формамъ. Они не теряютъ своей мягкости и абсолютной безшумности хода, даже послѣ многихъ лѣтъ ѣзды.

* * *

Уже нѣсколько Packard'овъ есть въ ПетроградѢ. Спросите тѣхъ, кто ихъ имѣетъ.

За справками просятъ обращаться къ инж. А. А. ТУПАЛЬСКОМУ,
Карповка, 19. Тел. 149-71.

945587

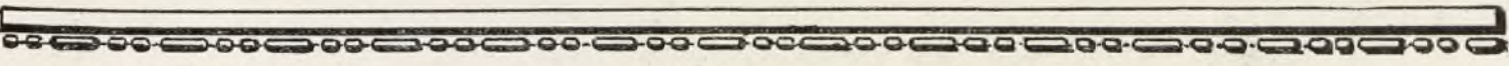
ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Фондов

Гос. Третьяковская
Галерея
№
БИБЛИОТЕКА

314
БИБЛИО
ТЕКА

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 21.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

1 НОЯБРЯ 1914 г.
ПЕТРОГРАДЪ.

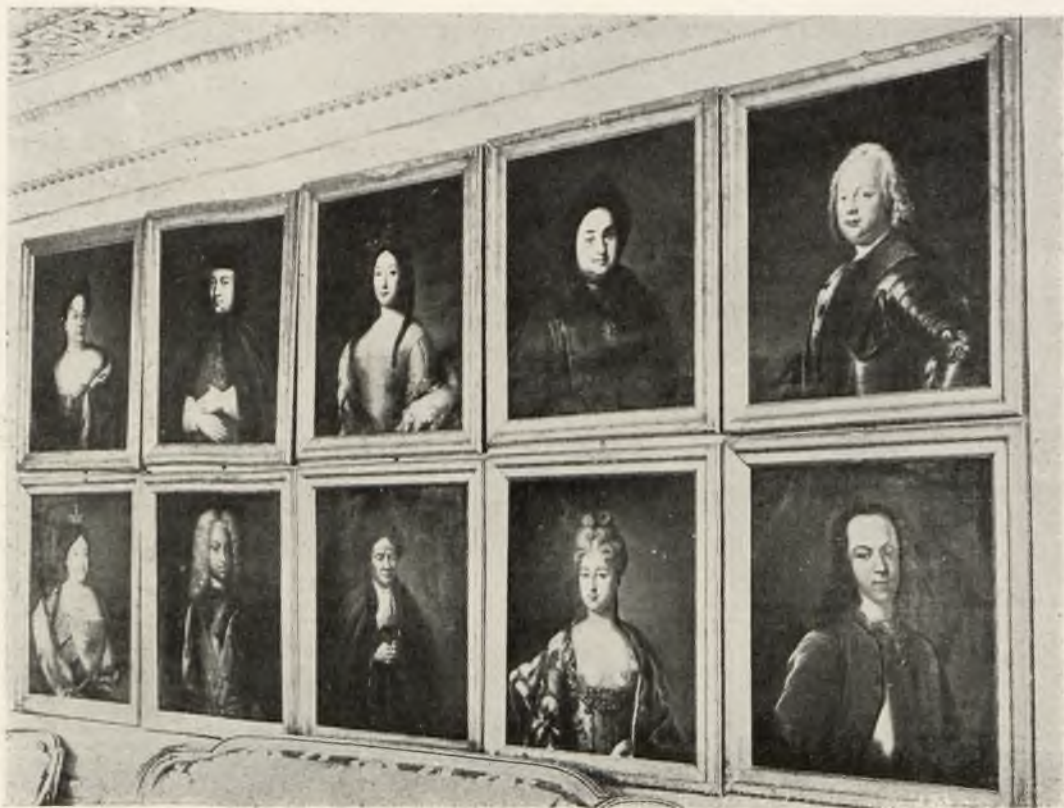
ОЧКИНО.

(Имяніе Е. А. Судіенко).

Общій видъ усадьбы отъ павильона („пристані“), стоящаго на берегу Десны. Слева находится еще одинъ такой же павильонъ, какъ и видимый на снимкѣ.

Собств. фотограф. „Ст. и Ус.“.

Часть портретной галереи—русских императоровъ дома Романовыхъ. Полное собраніе такихъ портретовъ (копій) имѣется теперь въ Россіи всего въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Прежде такія собранія были довольно распространены.

Собственныя фотографіи „Ст. и Ус.“

ОЧКИНО.

(Им. Е. А. Судіенко).

Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда Черниговской губерніи.

Большая часть усадебныхъ построекъ Россіи возведена была въ Александровское время, послѣ 1812 года, и отличается типично выраженнымъ обликомъ: классическій стиль фасадовъ, портики, фронтоны, купола въ различныхъ сочетаніяхъ украшаютъ сотни то величественныхъ и холодныхъ, то скромныхъ и уютныхъ нашихъ помѣстій. Положительно общепринятымъ стало возводить дома только въ этомъ характерѣ. Здѣсь было что-то неизбѣжное.

Немного помѣщичьихъ построекъ возведено было ранѣе этого времени. Еще меньшее количество изъ нихъ уцѣлѣло до сихъ поръ. Нѣкоторыя и изъ нихъ (конца Екатерининскаго времени) являются уже предвѣстниками столь распространеннаго позже „ампира“: онѣ построены были въ стилѣ „высокаго“ классицизма (напр. дворецъ въ Хотѣни, Харьковской губерніи, и мн. др.).

Такимъ образомъ, лишь немногія усадьбы даютъ намъ примѣръ вкуса къ архитектурѣ Екатерининской эпохи, т. е. выполнены въ стилѣ Людовика XVI, столь излюбленномъ одно время Великою Императрицею.

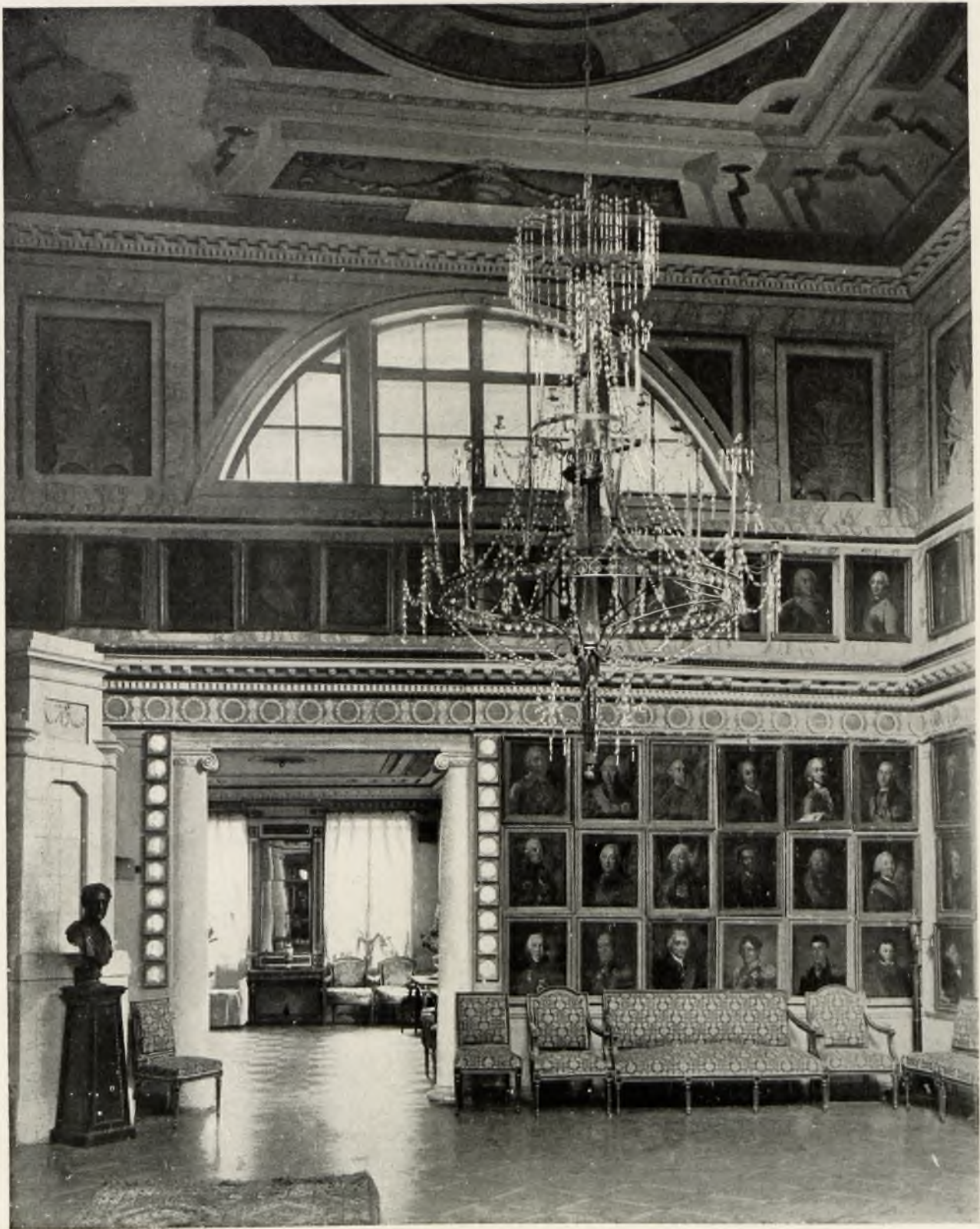
Усадебъ Елисаветинскаго времени (въ стилѣ „барокко“) почти не сохранилось, и 3—4 сооруженія 1780—90 годовъ являются особенно цѣнными, какъ единственныя въ своемъ родѣ. Нѣкоторыя постройки этого рода болѣе снаружи, нежели внутри, представляютъ собою изумительный блескъ архитектурнаго замысла и выполнения (напр. домъ въ усадьбѣ Мерчикъ, Харьков. губ.), нѣкоторыя же, представляя, наоборотъ, огромный интересъ своими intérieuрами, снаружи довольно просты и лишь по немногимъ деталямъ должны быть отнесены скорѣе къ образцамъ стиля Людовика XVI, нежели къ ампиру.

Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ такой именно усадьбы и является Очкино.

Всѣ сооруженія этой усадьбы—и главный домъ, и два флигеля по бокамъ его, и ворота (нынѣ упраздненные), и поварская, и службы, и два стоящихъ по краямъ усадьбы сооруженія съ башнями, и церковь—на первый взглядъ мало кѣмъ отличаются отъ классическихъ построекъ 1820—30 годовъ; а въѣздныя ворота и эти 2 башни даже напоминаютъ о

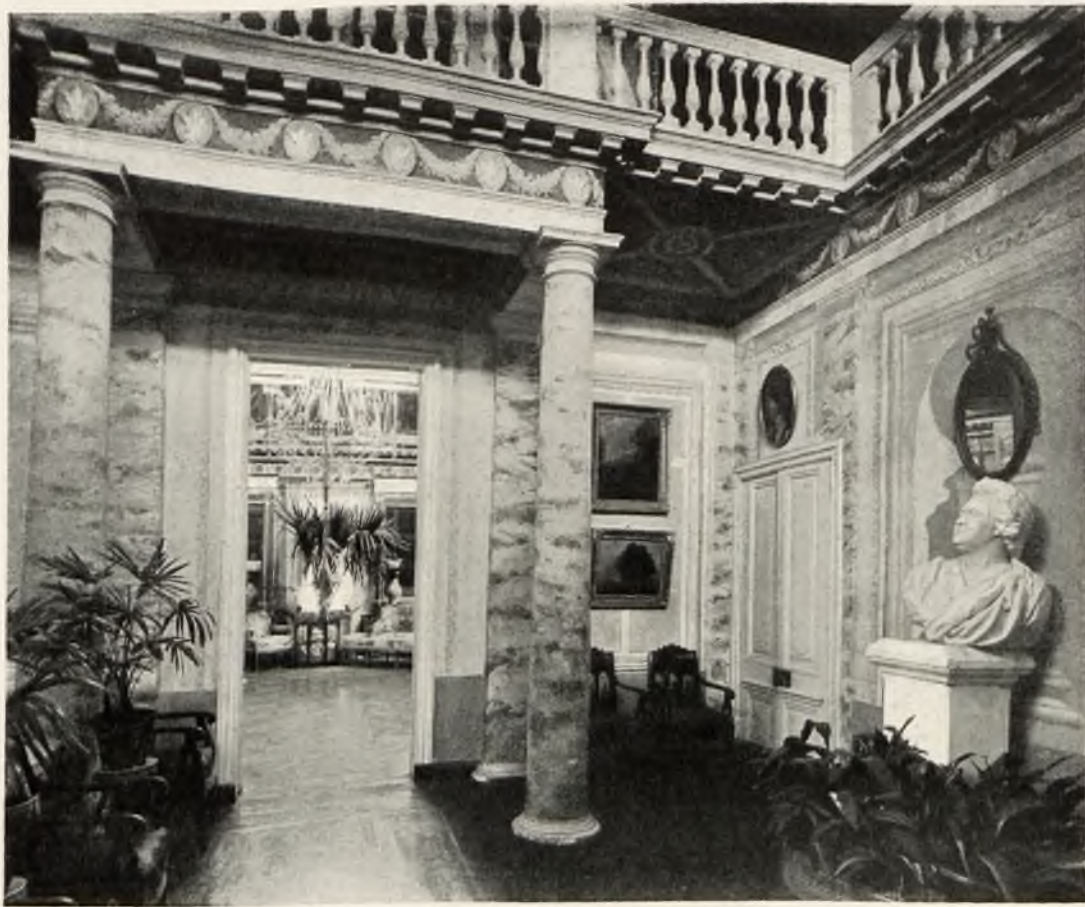
Хрустальная горка (стиля Louis XVI).

ОЧКИНО.

Общий видъ зала съ росписью плафоновъ, портретной галлереей и замѣчательной люстрой. Меньшихъ, но подобныхъ по стилю люстръ еще и теперь въ домѣ до 13. Вдали — одна изъ гостиныхъ, смежная со столовой.

Собств. фотограф. „Ст. и Ус.“.

Вестибюль. Вдали—залъ, направо—бюстъ гр. Безбородко.

Собственныя фотографіи „Ст. и Ус.“.

Павильонъ на „островѣ любви“.

времени „барокко“. Однако, внутри домъ представляетъ рѣдкій примѣръ богатаго, изысканнаго и нѣжно выполненнаго сооруженія въ стилѣ Людовика XVI.

Небольшой пароходъ рано утромъ отходитъ отъ Новгородъ-Сѣверска вверхъ по теченію Десны.

Излучина рѣки дѣлаетъ почти полное кольцо у подножія крутой горы, на которой возвышаются старинныя церкви и живописно разбросаны маленькіе домики города. На лѣвой сторонѣ рѣки—заливные луга: душистые, орошаемые глубокими, тихими, темными водами рѣки, протекающей выше сквозь дремучіе брянскіе, брянскіе и трубчевскіе сосновые лѣса, заповѣдные...

Сначала, отъ Новгорода тянутся слѣва живописные холмы, потомъ рѣка отходитъ вправо, и оба берега ея становятся луговыми. Вдоль такихъ болотистыхъ мѣстъ и сѣнокосовъ надо проѣхать верстъ 15 — 20. Берега пустыни. Лишь издали доносится пѣніе косарей или послышится радостный лай лягавой одипокаго охотника: огромныя стаи утокъ все время пролетаютъ надъ вашей головой. Вокругъ—зелено, душисто, и прелесть этого края, больше полѣсского, нежели малороссійскаго, чувствуется здѣсь повсюду.

Направо, на горизонтѣ начинается вырисовываться темная группа деревьевъ. На фонѣ плоской равнины, лишь изрѣдка прерываемой цѣпью низкорослыхъ сосновыхъ деревьевъ, этотъ оазисъ даетъ возможность сразу узнать въ немъ усадьбу: уже издали можно различить парковые тополи

(„сикоры“), могучіе дубы, лиственницы и сли, вообще, въ этихъ мѣстахъ не произрастающія.

Приблизившись еще немного, можно рассмотреть бѣлѣющую кайму ограды, вышки башенъ и куполь

Видъ дома со стороны парка, на тумбахъ два чугунныхъ льва.

дома. Еще нѣсколько кру-
тыхъ поворотовъ рѣки, и
передъ вами Очкино...

По краймъ ограды, окай-
мляющей всю усадьбу,
стоятъ двѣ башни, какъ до-
зорныя. На фонѣ парка по-
срединѣ — очаровательный
павильонъ. Въ глубинѣ вид-
нѣтся колоннада главнаго
дома, два флигеля, на-
право — службы; на нѣкото-
ромъ разстояніи направо —
церковь, а далѣе, по отло-
гому, голому склону тянется
убогая деревенька.

Основанная въ концѣ
XVIII столѣтія, усадьба эта
принадлежитъ безспорно къ
числу лучшихъ въ Россіи.
Ея строитель, О. С. Судіенко
(1742 — 1807), секретарь
графа Безбородко, видный
дѣятель Екатерининскихъ
временъ (если довѣрять нѣ-
которымъ даннымъ), воз-
велъ домъ и всѣ постройки
очень спѣшно, имѣя въ виду
пріѣздъ и остановку въ
домѣ Императрицы Екатерины II. Такія данныя отно-
сятся постройку къ 1787 г., т. е. году путешествія
Императрицы изъ Петербурга въ Крымъ и обратно,
когда она проѣзжала черезъ Каневъ, Курскъ и была
въ Новгородъ-Сѣверскѣ (гдѣ воздвигнута сохранив-
шаяся донынѣ триумфальная арка).

Бывшія въѣздныя ворота
(упраздненныя).

Видъ съ балкона дома. Вдали павильонъ—„пристань“, за нею рѣка Десна.

Собственныя фотографіи „Ст. и Ус.“

Ваза
(серебро).

Никакихъ, однако, данныхъ о томъ, что Государыня
была въ Очкинѣ, къ сожалѣнію, не имѣется. Съ другой
стороны, стиль дома соотвѣтствуетъ вполнѣ этому
времени, а чрезвычайно непрочная структура дома,
обнаруживающая спѣшность сооруженія, подтвер-
ждаетъ возможность возведенія усадьбы въ надеждѣ
на то, что Екатерина осчастливитъ ее своимъ посѣ-
щеніемъ.

Неизвѣстнымъ осталось и имя строителя усадьбы.
Между тѣмъ, очевидно, что это былъ далеко не зауряд-
ный мастеръ: хотя архитектурныя формы и скромны,
но общее расположеніе построекъ очень пріятно, всѣ
детали строго правильны (кромѣ воротъ и башенъ)
и лишены курьезовъ провинціализма.

Отдѣлка interior'овъ дома — поражающей красоты
и изысканности, и возможно такое предположеніе, что
обработку внутри производилъ какой-либо художникъ,

спеціально выписанный изъ Петербурга или изъ Польши; наконецъ, принимая во вниманіе общее состояніе вкусовъ и архитектурныхъ знаній у нашего высшаго общества того времени, можно допустить, что проектъ общаго распредѣленія зданій (и даже ихъ обработки) далъ самъ основатель усадьбы, отличавшійся любовью къ искусству, а лишь отдѣлку заль онъ поручилъ выписанному мастеру.

* * *

Разсмотримъ по порядку всѣ архитектурныя сооруженія Очкина.

Отъ пароходной пристани, мимо церкви, ведетъ дорога къ въѣзнымъ воротамъ. Ихъ стиль — слегка барочный: средній фронтонъ и поставленные наверху маленькія чугунныя изображенія львовъ еще болѣе увеличиваютъ курьезность ихъ формъ. Створки воротъ и двухъ калитокъ — позднѣйшія.

Далѣе, тѣнистымъ паркомъ дорога приводитъ васъ прямо къ широкой, почти квадратной площадкѣ-партеру передъ домомъ.

Домъ со стороны партера украшенъ высокимъ и сравнительно узкимъ (типично для стиля Людовика XVI) портикомъ колоннъ тосканскаго ордена. Портикъ покрытъ приплюснутымъ фронтономъ. По бокамъ — гладкія стѣны, прорѣзанныя окнами; надъ домомъ возвышается „четверикъ“, во всѣхъ сторонахъ котораго — полукруглыя окна (венеціанскія, ибо такія окна часты въ виллахъ дожей, въ окрестностяхъ Венеціи и Виченцы). Кубъ этотъ покрываетъ плоскій характерный куполь, окрашенный въ блѣдный зеленый цвѣтъ. Фасадъ со стороны парка лучше: колоннада здѣсь не „забрана“ рамами балкона.

Со стороны боковыхъ фасадовъ въ верхнемъ этажѣ дома тоже полукруглыя окна и прелестно связанный съ ними въ одну общую композицію плоскій портикъ изъ четырехъ пилястровъ перваго этажа. Удлиненная пропорція оконъ и особенно профиль вѣнчающаго зданіе карниза изобличаютъ наличие стиля Людовика XVI.

Такова простая, но благородная и милая внѣшность дома.

По бокамъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, два флигеля. Ихъ одноэтажные фасады украшены прелестными низенькими портиками-крылечками изъ четырехъ, попарно поставленныхъ, колоннокъ, нѣсколько грубовато выполненныхъ.

Павильонъ передъ домомъ, на краю обрыва, едва ли не наиболѣе кра-

К. Брюлловъ. (Автопортретъ?).
Собств. фот. „Ст. и Ус.“.

сивое сооруженіе въ Очкинѣ. Въ средней части его съ одной стороны — прямая колоннада, съ другой — полукруглый, тоже уставленный колоннами выступъ, а по бокамъ двѣ арки. Павильонъ отдаленно напоминаетъ Россіевскую бесѣдку у Елагина дворца или въ саду Михайловскаго дворца. Формы его просты, но удивительно гармоничны, и бѣлыя колонны одинаково восхитительны: и когда онѣ выдѣляются на фонѣ зеленого луга (если смотрѣть на бесѣдку отъ дома), и когда сквозь нихъ проглядываетъ чаща парка (если разсматривать павильонъ отъ рѣки).

Приходится еще разъ повторить — какъ умѣли въ старину помощью столь простыхъ средствъ и незначительныхъ затратъ создавать чарующей прелести декоративные эффекты! Какъ умѣли украшать парки, поставивъ на удачно избранномъ мѣстѣ подчасъ самыхъ простыхъ формъ бесѣдку!..

По краямъ усадьбы — двѣ башни. Обѣ, къ сожалѣнію, изрядно обветшали. Однако, фантастическіе шпили, украшающіе эти сооруженія, придаютъ необходимую для всего облика усадьбы живописность, столь удачно, хотя и панегирично, и даже совсѣмъ неправдоподобно во многихъ деталяхъ, запечатлѣнную А. Кунавинымъ на его извѣстной гравюрѣ, изображающей видъ Очкина. Кстати, на этомъ рисункѣ вода рѣки подходитъ вплотную къ „пристани“ (тогда расположеніе здѣсь павильона становится еще болѣе понятнымъ, но съ другой стороны не яснымъ становится — куда же исчезли всѣ, изображенные Кунавинымъ грандіозныя и чудесныя сооруженія: широкая, двухъ-маршная лѣстница, которая вела къ водѣ, каменемъ выложенныя стѣны, обелиски, покоящіяся на шарахъ и поставленные на этихъ стѣнахъ). Неужели все это, изображенное на акварели, существовало, но было уничтожено. Зачѣмъ и когда?

Вблизи дома — поварская; прелестный, скомпонованный удачно домикъ съ антресолями. Два фасада его украшены подымающейся на полтора этажа колоннадою.

Корпусъ службъ — длинный одноэтажный флигель, съ чередованіемъ крылечекъ изъ парныхъ колоннъ и гладкихъ стѣнъ.

Очень интересны оранжереи — положительно стильное сооруженіе, рѣдкое и, пожалуй, даже лучшее въ этомъ родѣ (если не считать оранжерей въ усадьбѣ Мамонтова под Москвою, оранжерей въ с. Графскомъ у гр. Гендрикова и въ с. Должикѣ у кн. Голицына). Это длин-

Оранжереи. (Вызрѣваютъ прекрасно персики и абрикосы).
Фот. Г. К. Лукомскаго.

ный корпусъ, поднимающаяся часть котораго, украшена полукруглыми окнами, а къ торцовымъ фасадамъ его приставлены прелестные, полукруглые, въ классическомъ стилѣ, входы. Вокругъ растутъ огромные тополи и, получающійся, такимъ образомъ, пейзажъ представляетъ собою исключительную прелесть.

Упомянемъ еще о „павильонѣ любви“, поставленномъ, какъ полагалось, на уединенномъ островѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою. Состояніе павильона довольно печальное.

Въ еще большемъ запустѣніи находятся ворота, поставленные какъ разъ противъ дома, въ паркѣ, и черезъ которыя, яко-бы, въѣзжала въ Очкино Екатерина II. Почему-то съ тѣхъ поръ ворота эти столь священно оберегаются, что ихъ ни разу не ремонтировали, сохраняя въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ были тогда. Однако, подобная чрезмѣрная щепетильность въ дѣлѣ обереганія памятника старины пагубно отозвалась на немъ, и хотя теперь ворота—очень живописная руина, но года ихъ сочтены!

* * *

Въ обширномъ вестибюлѣ, ведущемъ прямо въ расположенный посрединѣ дома огромный двухсвѣтный залъ, прекрасная обработка стѣнъ помощью колоннъ. Плафонъ, какъ частью и бѣлая роспись на синемъ фонѣ зала, выполненъ манерою Sgraffitto. Посрединѣ зала огромная ваза; съ потолка свѣшивается люстра, необычайно большого размѣра—подобіе хрустального дерева; всѣ стѣны украшены декоративными портретами русскихъ государственныхъ дѣятелей и знаменитыхъ людей и портретами царей изъ дома Романовыхъ (извѣстная серія: одна изъ такихъ въ Очкинѣ).

Прежде чѣмъ перейти къ подробному ознакомленію съ предметами, украшающими Очкинскій домъ, слѣдуетъ выдѣлить то, что представляетъ наибольшій художественный интересъ. Это необходимо, во-первыхъ, потому, что въ Очкинѣ, вообще, такъ много интереснаго матеріала, что говорить обо всемъ на страницахъ этого журнала положительно невозможно—подробное описаніе потребовало бы нѣсколько померовъ или могло бы умѣститься лишь въ отдѣльную книгу—а, во-вторыхъ,

Фогель-фонъ-дери-Фогельштейнъ. (Семейный портретъ Судіенко).

Собств. фотогр. „Ст. и Ус.“.

(Изъ картинной галереи Очкина).

щей, волшебный фонтанъ. Когда, зажженная она играетъ своими хрустальными, получается впечатлѣніе елки, подвѣшенной къ потолку..

Было уже упомянуто о портретахъ, покрывающихъ всѣ свободныя мѣста простѣнковъ. Кромѣ нѣсколькихъ рядовъ портретовъ по низу, изъ нихъ сдѣланъ еще поясъ по фризу. Выше идетъ лѣпка—богатый карнизъ, и еще выше, на высотѣ полукруглыхъ оконъ—богатѣйшая орнаментальная роспись: это напоминаетъ роспись стѣнъ виллы, принадлежащей нынѣ conte Valmarana въ Lonedo. Особенно хороши фризы вѣнчающаго карниза изъ вѣнковъ и изображенія римскихъ руинъ въ медальонахъ, напоминающія пейзажи Peresinotti или Huber Rober'a.

Въ залѣ просты, но хороши печи стиля Людовика XVI и мебель того же стиля, представляющая, однако, меньшій интересъ, какъ болѣе современная.

Отмѣтимъ еще въ двухъ пройденныхъ комнатахъ четыре прелестныхъ жирандоли, черные съ золотомъ канделябры и полотна кисти Вувермана и Ванъ-дери-Вельде.

* * *

Въ гостиной три замѣчательныхъ подзеркальника, рамы зеркалъ и boiserіes всей отдѣлки чистѣйшаго стиля Людовика XVI. Здѣсь изображены корзины съ цвѣтами, бубны, стрѣлы, колчаны и проч. эмблемы. Рисунокъ этой рѣзбы изъ дерева выполненъ

Павильонъ—пристань.

Фот. Г. К. Лукомскаго.

съ необычайною нѣжностью, тонкостью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не сухъ (какъ это непременно было бы въ соответствующемъ современномъ издѣліи), а соченъ и мягокъ. Здѣсь же находится чудесный органъ, темнаго орѣховаго дерева съ изысканной бронзовой арматурой. Всѣ предметы французскаго мастера въ духѣ Neufforge'a. Здѣсь двѣ картины, приписываемыя Теньеру, и хорошая небольшая люстра.

Въ столовой также люстра „съ краснымъ стекломъ“. Интересенъ плафонъ „съ фруктами“, чередующимися видами античныхъ бѣлыхъ построекъ, выдѣляющихся на розовомъ фонѣ, подобно камеѣ. Изъ картинъ, украшающихъ столовую, отмѣтимъ одного несомнѣннаго Liotard'a (двѣ чудесныя пастели—„фрукты“). На полотнѣ подпись: „peint par Jean-Etienne Liotard, agé de 80 ans—1782“. Въ столовой, красивая печь стилия Людовика XVI.

Въ другой гостиной надо отмѣтить: печь, плафонъ съ изображеніемъ треножниковъ и розасомъ посрединѣ, три чудесныхъ зеркальных обрамленія и удивительную бронзовую „горку“ Людовика XVI съ шаромъ наверху и пирамидами и лирами понизу. На „горкѣ“ сервизъ. Здѣсь лучшіе въ Очкинѣ предметы богатѣйшаго собранія фарфора и хрустала. Упомянемъ о вазочкѣ Императорскаго завода, Павловскаго времени, о вазахъ съ пейзажемъ, Александровскаго времени; много предметовъ завода Миклашевскихъ (ближайшіе родственники Судіенко). Кстати, отмѣтимъ замѣчательный фарфоровый сервизъ на нѣсколько десятковъ лицъ, хранящійся нынѣ не въ Очкинѣ, а въ домѣ, принадлежащемъ Судіенко въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Этотъ фарфоръ Екатерининскаго времени, удивительной сохранности, былъ взятъ для Высочайшаго стола во время пребыванія Государя въ Черниговѣ въ 1911 г. Отмѣтимъ еще въ этой гостиной изумительную мебель стилия переходнаго отъ Людовика XV къ Людовику XVI. Восхитительна и роспись изъ орнаментовъ, бѣгущихъ по краю потолка. Хороши овальныя рамы портретовъ съ вѣнками и бантами лентъ. Великолѣпны полы стариннаго паркета...

Далѣе, вдоль по другому фасаду, зеленый большой кабинетъ, соответствующій въ строго симметричномъ планѣ дома—столовой съ другой стороны. Здѣсь примѣшивается мебель „Жакобъ“.

Въ этихъ комнатахъ полотна кисти Боровиковскаго—портретъ прадѣда владѣтеля дома; портретъ

кн. Кантемира, кисти Д. Левицкаго; портретъ гр. Безбородко, работы Vogel von Vogelstein'a; портретъ гр. Румянцева, его карлы и карлицы (интересны въ бытовомъ отношеніи); портретъ Имп. Павла на медальонѣ (безъ подписи автора). Интересны рисунки: виды Кіева, виды Михайловскаго монастыря, Софійскаго собора и др.

Въ слѣдующей комнатѣ—угловомъ кабинетѣ, находится портретъ работы Винтергальтера, изображающій дѣда Е. А. Судіенко. Въ этомъ кабинетѣ прелестные зеленые обои съ вертикально сбѣгающими гирляндами фруктъ. И здѣсь зеркальное обрамленіе. Отличный письменный столъ стилия Людовика XVI съ двумя пирамидами изъ мрамора по бокамъ и съ часами посрединѣ, комодикъ съ отличными ручками...

* * *

Дѣлая краткій обзоръ предметовъ, надо упомянуть всетаки о прелестныхъ миниатюрахъ въ гостиной (изъ которыхъ нѣкоторыя, напр. подписанная Cantemir A. D. R. и датированная 1785 г., отличны); о фарфорѣ (есть рѣдкія марки англійскаго фарфора съ короной), о многихъ отличныхъ предметахъ мебели въ двухъ полузалахъ, примыкающихъ къ центральному залу, о картинахъ мастеровъ иностранной школы.

Въ антресольномъ этажѣ изъ комнатъ примѣчательна только спальня съ колоннадою. Много старинной мебели, милой, уютной, но не представляющей собою особаго художественнаго интереса; много люстръ (всѣхъ до 20) и фонарей, нѣсколько хорошихъ портретовъ (напр., Bardou 1824 года и другихъ мастеровъ).

Въ комнатахъ флигелей также есть много интересныхъ портретовъ (напр., приписываемый Брюллову) и большое количество фарфора—всѣ стѣны увѣшаны имъ...

* * *

Очкино представляетъ художественное средоточіе предметовъ, средоточіе особенно цѣнное потому, что оно типично для стилия, столь мало представленнаго у насъ въ Россіи, и не только въ провинціальной Россіи, но и въ столичной. Тѣмъ болѣе надо пожалѣть о печальномъ

конструктивномъ состояніи дома, построеннаго, какъ было сказано, наспѣхъ, помощью бутафорскихъ средствъ. Домъ весь изъ дерева и лишь оштукатуренъ; система отопленія старинная... Высохшее, обратившееся въ труху дерево. Поднявшись, напримѣръ, на хоры зала, можно замѣтить, что покосились уже

М. К. Судіенко (въ Очкинѣ).
Собств. фотогр. „Ст. и Ус.“.

ГЕРБЪ РОДА СУДІЕНКОВЪ.

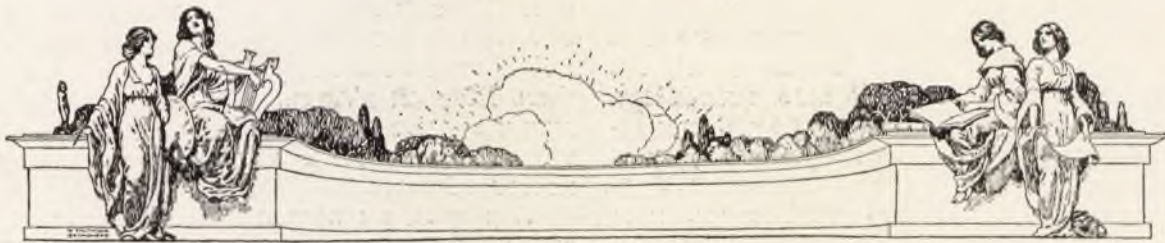

стѣны, а укрѣпленіе ихъ едва ли возможно. Вообще, Очкинскій домъ рѣдкій примѣръ непрочной постройки, въ противоположность всѣмъ воздвигавшимся въ то время другимъ домамъ.

Домъ въ Очкинѣ это царство стіля Людовика XVI, подобно тому, какъ Гомель показатель Николаевскаго искусства, а дворець въ Хотѣни характеризуетъ Александровское время и его вкусы.

Въ ряду усадебъ, нами уже разсмотрѣнныхъ и еще намѣченныхъ къ описанію, это жемчужина одного ожерелья Черниговскихъ усадебъ (Качановка — Оливъ; Душатино — Кулябко-Корецкихъ; Стольное — Мусинъ-Пушкиныхъ, Полошки — Скоропадскихъ, и др.).

Георгій Лукомскій.

ПИСЬМА И BILLETS DOUX.

III.

Mon cher, cher Rédacteur.

Я такъ давно, такъ давно вамъ ничего не писала! Но вы не должны на меня сердиться. Не правда ли, вы на меня не сердитесь? Вѣдь вы—а real gentleman, и не можете хотѣть этого женщинѣ, en vouloir à une femme. И, кромѣ того, я совсѣмъ не виновата, а виноваты только европейскія событія.

Я расскажу вамъ все по-порядку.

Весной, въ маѣ мѣсяцѣ—я ужасно люблю май! а вы?—le printemps, mon mari хотѣлъ, чтобъ я ѣхала въ деревню, къ намъ въ родовое имѣніе, которое было подарено еще его прадеду Императрицей Екатериной. Императрица Екатерина, говорятъ, ужасно любила прадеда моего мужа за то, что онъ былъ очень веселый и умный. Это имѣніе очень красивое, вродѣ тѣхъ, которыя вы фотографируете въ вашемъ миломъ журналѣ.

Тамъ прелестный château, оранжерея, гдѣ растутъ ананасы и персики, большой англійскій паркъ съ старыми, старыми деревьями и очень много земли, на которой мужики сѣютъ хлѣбъ—и бѣлый, и черный. Также тамъ много этого краснаго растенія, изъ котораго дѣлаютъ борщокъ. Мой мужъ говоритъ, что изъ этого растенія готовятъ сахаръ; но я думаю, что онъ, по своему обыкновенію, смѣется надо мной, потому что какъ же можно изъ этого растенія дѣлать сахаръ: оно—красное, скорѣе даже цвѣта бордо, а сахаръ—бѣлый.

Такъ вотъ видите. Мой мужъ хотѣлъ, чтобъ я ѣхала въ деревню, но я не хотѣла, потому что хотя тамъ очень красиво, но тамъ тоже очень скучно. Я совсѣмъ, совсѣмъ не знаю, что мнѣ тамъ дѣлать. Когда я туда пріѣзжаю, я немного гуляю и очень много читаю. Иногда le printemps, mon mari приглашаетъ въ гости сосѣдей, но они какіе то скучные и очень шумяты. Единственный сосѣдъ нашего круга это—старый графъ Санишинъ, но онъ такой старый, что никогда къ намъ не пріѣзжаетъ, и потомъ онъ, правда, слишкомъ старый, даже если бы онъ и пріѣзжалъ: онъ былъ еще флигель-адъютантомъ Императора Николая Павловича. Хотя онъ и былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ въ чинѣ корнета и всего только за годъ до кончины Императора, но всетаки—вы сами понимаете, что это было очень давно. Это уже древняя исторія.

Но я какъ-нибудь въ другой разъ расскажу вамъ о нашей деревнѣ и о нашихъ сосѣдяхъ.

Теперь я хочу рассказать вамъ только, что со мною происходило лѣтомъ, и почему я вамъ такъ давно не писала.

Въ деревню я поѣхать отказалась и, хотя мой мужъ былъ очень сердитъ на меня за это, я уѣхала за границу.

Дѣтей моихъ я, конечно, послала въ деревню, ses chers anges! имъ деревенскій воздухъ полезенъ и закаляетъ ихъ, а здоровье моихъ дѣтей для меня—прежде всего. Я даже согласилась разстаться съ ними, только чтобъ они еще немного укрѣпили свое здоровье.

Я поѣхала въ Парижъ, а оттуда въ Виши. Я не особенно люблю Виши, но доктора сказали мнѣ, что я должна пить воду изъ источника Mesdames.

Тамъ тоже былъ баронъ Зюнде. Я была очень рада его видѣть, но онъ пилъ изъ источника Hôpital, потому что у него печенка испортилась. Онъ, вѣрно, бѣдный, старый другъ, слишкомъ утомляется въ теченіе зимы всѣми этими благотворительными вечерами. Да и службой, вѣрно, тоже: вѣдь онъ причисленъ къ канцеляріи Вѣдомства Императрицы Маріи.

Изъ Виши я хотѣла ѣхать куда-нибудь на берегъ моря: мнѣ въ Парижѣ сдѣлали прелестный купальный костюмъ.

Понимаете—изъ двухъ, такъ сказать, частей,—блуза и другое. И все это изъ свѣтло-лиловаго шелка, такого, знаете, шелка, который не шелкъ, но выглядитъ, какъ шелкъ.

Матерія прелестная: когда вы выходите изъ воды—вы и одѣты, и раздѣты en même temps. Все совершенно прилично, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень красиво... я говорю, по крайней мѣрѣ, про себя... Нѣтъ, нѣтъ! mon cher Rédacteur! Вы думаете, что я преувеличиваю, что я хвастаюсь? Нисколько... Да и притомъ зачѣмъ мы будемъ говорить объ этомъ съ вами въ печати. Это совсѣмъ не касается толщины публики, le gros du public. Я лучше вернусь къ моему разсказу, пока я не потеряла нитку.

Какъ я уже сказала, я совсѣмъ собралась ѣхать или въ Дьеппъ, или въ Трувилль, какъ вдругъ приходитъ ко мнѣ баронъ Зюнде и говоритъ:

— „Знаете, chère princesse, будетъ война“.

— „Какъ“, отвѣчаю: „будетъ? вѣдь она уже была годъ тому назадъ“.

— „Такъ та была на Балканскомъ полуостровѣ, а эта — будетъ un peu partout и даже beaucoup partout“.

Баронъ Зюнде такъ и сказалъ— „beaucoup partout“, вы знаете, какой онъ мѣткій въ своихъ выраженіяхъ.

Я, конечно, очень испугалась. Куда же ѣхать, если война будетъ всюду?

Баронъ сказалъ— „куда хотите, но я васъ въ такую тяжелую минуту не покину“.

Это было очень рыцарски съ его стороны, и я его очень благодарила.

Черезъ нѣсколько дней, когда я выходила изъ ванны, т. е. не изъ ванны, а изъ Etablissement, гдѣ ванны, баронъ меня встрѣтилъ. У него видъ былъ очень серьезный, и онъ размахивалъ своимъ стаканчикомъ въ соломенномъ футлярѣ на ремешкѣ, какъ une espèce d'encensoir.

Онъ подошелъ ко мнѣ, крѣпко поцѣловалъ мою руку и сказалъ:

— „Ça у est! началось! надо уѣзжать“.

Я сначала даже не поняла про что онъ говоритъ, что началось. Потомъ ужъ онъ мнѣ объяснилъ.

Вы сами понимаете, mon cher Rédacteur, какое впечатлѣніе произвело на меня это извѣстіе: во-первыхъ, хотя я никогда политикой не занималась—у меня нѣтъ политической шишки—и я иногда даже могу казаться легкомысленной, но—j'aime la Russie. Я ее, конечно, мало знаю, но я ее люблю, понимаете такъ—не умомъ, а сердцемъ. C'est mon pays.

Я вотъ только что сказала вамъ, что мнѣ въ деревнѣ скучно, а когда я узнала, что война, то мнѣ захотѣлось скорѣй, скорѣй быть въ деревнѣ... ну, если не въ деревнѣ, то въ Петербургѣ, вообще—дома, въ Россіи. C'était plus fort que moi.

Я такъ и сказала барону:

— „Сегодня же я уѣзжаю въ Россію“.

А баронъ мнѣ на это отвѣтилъ:

— „Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Но я съ вами вполне согласенъ—надо ѣхать“.

Тутъ у меня, должна вамъ confesser, мелькнула трагическая мысль: баронъ Зюнде—мой большой другъ, мы всѣ его хорошо знаемъ, онъ—камергеръ; но вотъ фамилія у него нѣмецкая. А что если онъ... Теперь мнѣ самой стыдно за такую мысль, послѣ всего что онъ для меня сдѣлалъ, но тогда—я была потрясена. Какъ человѣкъ очень откровенный—это всѣ знаютъ, что я очень откровенная—я его прямо тутъ-же спросила, хотя я очень волновалась:

— „Баронъ, скажите—вѣдь вы не нѣмецъ?!“

Онъ меня сразу успокоилъ:

— „У моего дѣда было имѣніе въ Курляндіи, которое мой отецъ проигралъ въ карты. Вотъ и все“.

Я пожала ему руку и сказала:

— „Я никогда въ этомъ не сомнѣвалась, мой другъ. Благодарю васъ, благодарю васъ de tout coeur“.

И онъ долго цѣловалъ мою руку, потому что онъ настоящій патриотъ и человѣкъ съ душой.

Мы пошли въ гостиницу—баронъ случайно остановился въ той-же гостиницѣ, что и я—и сейчасъ начали укладывать наши вещи: я—мои, а онъ—свои и мои.

Хотя въ вагонѣ было ужасно, но мы все-таки пріѣхали въ Парижъ. Я хотѣла отдохнуть хоть два—три дня, но баронъ утверждалъ, что Франція должна неизбѣжно вмѣшаться въ войну, и что лучше сейчасъ же ѣхать дальше.

Я его послушалась, и теперь очень счастлива моей пронизательности. Кто знаетъ, что съ нами было-бы, если-бъ мы еще задержались въ Парижѣ, а теперь—я знаю, что съ нами было...

Non, non! mon cher Rédacteur! будьте серьезны! я вѣдь васъ знаю, вы—Богъ знаетъ, что думаете.

Вы—не правы, вы не правы! Et puis—если-бъ вы и были правы—но вы не правы—неужели вы думаете, что я вамъ сказала-бы!

Мы изъ Парижа въ тотъ-же день уѣхали въ Лондонъ.

И поѣздъ, и пароходъ были переполнены англичанами и американцами, qui fuyaient le spectre de la guerre.

Я—должна признаться—очень боялась все время, но милый баронъ меня утѣшалъ, какъ онъ только одинъ умѣетъ утѣшать. Вы этого не поймете, mon cher Rédacteur! я васъ очень люблю, но вы не поймете, потому что у васъ душа не женственная. Женственная душа совсѣмъ другая, чѣмъ мужественная. Можно быть Жанной д'Аркъ, и все-таки имѣть женственную душу, а даже Суворовъ, le prince d'Italie, не могъ бы этого понять. Такъ что вамъ, mon cher ami, вамъ нечего обижаться.

А propos, вы позволите мнѣ называть васъ „mon ami“? Rédacteur—это звучитъ ужасно официально, а мы теперь вѣдь всѣ—братья, настоящіе друзья, n'est ce pas? Братья и сестры.

Сестры—это такъ прекрасно! такъ мистично! это пахнетъ лиліей, а иначе—это пахнетъ красной розой, волюптюэзной красной розой... Вы, конечно, понимаете, что я хочу сказать?..

Но я опять удалилась отъ моего разсказа, моего историческаго разсказа, потому что: c'est de l'histoire, какъ сказалъ этотъ божественный Викторъ Гюго, когда его пришли арестовывать.

Я ужасно люблю Гюго: это мой фаворитъ изъ поэтовъ. Я его постоянно перечитываю. Помните въ „Эрнани“ донья-Соль говоритъ:

— „Tu es mon lion superbe et généreux!“

Какъ это вѣрно! Superbe et généreux! Въ этихъ двухъ словахъ для насъ, бѣдныхъ женщинъ—все. Великолѣпіе и великодушіе!

Я нашла сама этотъ переводъ по словарю Макарова. Я вообще ужасно хочу перевести всего „Эрнани“ на русскій языкъ. Вы должны мнѣ въ этомъ помочь, mon cher ami; мы съ вами сдѣлаемъ это въ прозѣ, а баронъ Зюнде переложитъ на стихи. Баронъ прекрасно владѣетъ французскимъ стихомъ. Онъ мнѣ какъ-то разъ читалъ свой переводъ народной (ce cher peuple!) русской пѣсни.

— „Шли три онѣ, шли три онѣ, а за ними онъ“...

— „Marchaient trois elles, marchaient trois elles et derrière elles—il“...

Правда, какъ удивительно точно, и какъ духъ, l'esprit, соблюденъ? Мы съ вами при личномъ свиданіи поговоримъ подробнѣе о моей идеѣ перевести „Эрнани“. Вы увидите, что изъ этого выйдетъ грандіозное дѣло. Ce cher mr. Теляковскій велитъ поставить нашъ переводъ въ Михайловскомъ театрѣ, т. е. нѣтъ! не въ Михайловскомъ—тамъ вѣдь французы, они могутъ играть по французски—а въ Александринскомъ или въ Мариинскомъ. Вѣдь у насъ чудные русскіе артисты. Я вижу отсюда, какъ monsieur Варламовъ сыграетъ донъ-Карлоса и будетъ говорить монологи передъ гробницей Шарлеманя...

Но, j'y pense! Какъ-же мы сдѣлаемъ съ этой сценой? Вѣдь тамъ появляются разные нѣмецкіе короли! Это, пожалуй, теперь не удобно. Публика можетъ свистать. Будетъ скандалъ. Нельзя-ли ихъ сдѣлать какими-нибудь славянами: черногорцами, малороссами. Что вы объ этомъ думаете?

Mon Dieu! mon Dieu! я по своему обыкновенію заболталась. Мнѣ нужно ѣхать dans la Croix Rouge слушать лекціи.

Простите меня, mon cher Rédacteur et ami, я ужъ будущій разъ разскажу вамъ, какъ я ѣхала изъ Англии въ Россію. Можно?

Ваша очень преданная

Княгиня Сандра.

Рис. Рэкама. (Country Life).

МОЕ САМОЕ НЕПРІЯТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

I.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

— „Нельзя жить безвыѣздно въ Петербургѣ, нельзя долго сидѣть на одномъ мѣстѣ, нужно ѣздить непремѣнно—это законъ природы“...

— развивалъ мнѣ свою теорію одинъ докторъ, „человѣкъ животное двигающееся, это вамъ не коралль или устрица“...

По его выходило, что необходимъ не только, такъ называемый, моціонъ, движеніе, а нужно ѣздить непремѣнно далеко.

На-дняхъ попала мнѣ въ руки русская книга съ мудренымъ названіемъ.

— „Микрокосмосъ и макрокосмосъ“.

Сочиненіе философско-медицинское. Кто могъ написать у насъ такую книгу? Понятно не докторъ медицины и не философъ: написалъ ее вице-адмиралъ въ отставкѣ, иѣкто Скалозскій. Философы строятъ дредноуты и плаваютъ на нихъ, адмиралы философствуютъ!.. Книга протяженно-сложенная, сплошь изъ выдержекъ и цитатъ отовсюду. Читать эту книгу я не совѣтую, и тотъ, кто совѣтовалъ ее мнѣ, тоже, вѣроятно, не читалъ. Но мысль, за которую ухватился авторъ, очень интересна.

...Все въ мірѣ подчинено какимъ то не то электрическимъ, не то радійнымъ токамъ. Міръ это сплошь электрическая энергія. Энергія сконцентрирована въ землѣ. Змѣи ползаютъ всю жизнь по землѣ, потому онѣ такъ и ядовиты. Нѣтъ ядовитыхъ животныхъ среди летающихъ, такъ какъ они всегда далеко отъ земли. Змѣиный ядъ — это разрядъ электрической энергіи, которой они набрали въ себя ползая по землѣ. Вообще, ядъ та же единая электрическая энергія, поэтому то дѣйствіе удара молніи и сильного яда почти одинаковы, и т. д...

Когда организмъ болѣетъ, это значитъ, что въ немъ нарушено равновѣсіе электрической энергіи. Нужно измѣнить долготу или широту, подъ которой живешь, переѣхать въ ту часть земного шара, гдѣ напряженіе электрической энергіи иное—и болѣзнь излечится.

Чѣмъ больше разстоянія, чѣмъ большая разница въ климатахъ, тѣмъ

большее измѣненіе и въ напряженіи земного электричества, а отсюда и тѣмъ большій лечебный эффектъ можетъ получиться.

* * *

Другой мой знакомый утверждалъ, что подъ тропиками не потому такъ жарко, что на нихъ солнечные лучи падаютъ прямо, а только потому, что на тропикахъ земная кора тоньше и наружу выдѣляется больше тепла изъ внутренней расплавленной магмы. Сужденіе парадоксальное, но его высказывалъ человекъ очень образованный. Когда надъ нимъ смѣялись, то онъ добавлялъ:— „Все великое и непонятное современникамъ разсматривалось ими, какъ парадоксъ или абсурдъ“...

Если прибавить къ мыслямъ вице-адмирала еще и это толкованіе, то получается тѣмъ большее значеніе для всякаго живого организма перемѣны мѣста на земномъ шарѣ.

При однихъ болѣзняхъ можетъ быть нужно ѣхать на сѣверъ, при другихъ на югъ, а на всякій случай слѣдуетъ ѣздить по всему земному шару, чтобы попасть на болѣе удобное для данной болѣзни мѣсто...

Такъ это или не такъ, но вотъ еще одинъ доводъ за громадное значеніе путешествій.

То, что я пишу ниже, я озаглавилъ:

„Мое самое непріятное путешествіе“.

Это было дѣйствительно путешествіе въ высшей степени непріятное, я подъ свѣжимъ его впечатлѣніемъ и тѣмъ съ большимъ правомъ повторю:

— „Поѣзжайте путешествовать, когда будетъ возможно“.

II.

САМАЯ СКУЧНАЯ СТОЛИЦА ЕВРОПЫ.

Португальцы говорятъ про свой Лиссабонъ:

— „Кто не видалъ Лиссабона, тотъ не видалъ ничего прекраснаго“...

Тоже самое говорятъ про Неаполь итальянцы, про Константинополь—турки, про Рио-де-Жанейро—бразильцы, про Буэнос-Айресъ — аргентинцы, и т. д. Совѣтую имъ не вѣрить.

Лиссабонъ красивъ, когда тихо, когда нѣтъ тучъ пыли надъ Тахо и городомъ, когда воды Тахо не кажутся большой полоскательной чашкой послѣ утренняго кофе. Кромѣ того, Лиссабонъ красивъ, когда васъ до этого не качало три дня въ

Въ докахъ Амстердама.
Голландцы провожаютъ уѣзжающихъ на Яву.
(Фот. автора).

АМСТЕРДАМЪ.

Зданіе биржи—одно изъ удивительнѣйшихъ въ мірѣ по своей архитектурѣ.

Улица въ Амстердамѣ.

Мостъ черезъ Амстель и Народный домъ.

Атлантическомъ океанѣ. Бискайскій заливъ, по которому ѣхать сюда,—родной братъ Караибскаго моря: постоянная качка и еще вдобавокъ понижающій вѣтеръ. На югъ до Мадейры тоже качаетъ нерѣдко. Трудно подѣхать къ Лиссабону безъ качки. Качало и насъ...

Только тамъ дальше къ югу, у острововъ Зеленаго Мыса, начинается штиль и вполне пріятное морское путешествіе.

Когда послѣ Бискайскаго залива вырисовываются въ туманѣ береговья горы мыса Финистера, появляется берегъ Испаніи— всѣ довольны.

На нашей „Конингинъ-Эмма“ ѣхалъ на Яву большой ульмскій догъ. Ему суждено улучшить собачью породу тропической Голландіи. Онъ тоже жалобно вылъ на Бискайскомъ заливѣ, не стѣсняясь присутствіемъ особы женскаго пола, маленькой таксы, привязанной по сосѣдству. Всю свою собачью нѣжность онъ обнаружилъ уже у береговъ Испаніи, когда прошли заливъ, и матросъ то и дѣло ходилъ около него съ большой шваброй.

* * *

За тѣ четыре года, что я не былъ въ Лиссабонѣ, мало что измѣнилось. Стало меньше экипажей, все съѣли автомобили, при этомъ автомобили очень дорогіе и очень скверные. Развѣ что Нью-Йоркъ или наша Москва могутъ похвастать еще болѣе скверными и еще болѣе дорогими таксомоторами.

Тяжести возятъ на мулахъ, мулы вездѣ. Гдѣ тѣ лошади и ослы, отъ которыхъ рождаются эти мулы?—невольно задаешь себѣ вопросъ: ни лошадей, ни ословъ не видно. Мулы же, какъ извѣстно, уже не даютъ потомства, это всегда „последніе въ родѣ“.

По привычкѣ южныхъ народовъ, люди носятъ здѣсь всякую тяжесть на головѣ. Рукамъ свободнѣе, а голова все равно ни къ чему больше не требуется—головной работы тутъ мало.

Не больше стало этой работы и со времени изгнанія короля Мануэля, ничто не измѣнилось. Стало еще скучнѣе, хотя и раньше это была самая скучная столица Европы.

На монетахъ чеканятъ красивую женщину „Республику“ и не пишутъ уже „500 реисовъ“, а „50 центавосовъ“, хотя народъ все равно еще считаетъ на реисы.

Здѣсь привыкли къ безвластію и расправляются сами. Когда нашему трамваю загородилъ путь какой-то ломовикъ, вагоновожатый долго звонилъ, проѣхалъ, а затѣмъ остановилъ вагонъ и пошелъ специально накостылять шею ломовику.

* * *

О бывшей лѣтней резиденціи португальскихъ королевъ, о Синтрѣ, испанская поговорка говоритъ:—„Кто осмотрѣлъ весь міръ, но не видѣлъ Синтры, тотъ ѣздилъ по міру съ мѣшкомъ на головѣ“. Опять совѣтую не вѣрить этимъ крайнимъ восхищеніямъ, хотя поѣздка въ Синтру и интересна.

На базарахъ въ Лиссабонѣ масса фруктовъ, еще больше рыбы. Рыбу носятъ тоже на головѣ и непременно по солнцепеку и безъ

льда, всегда открытой, точно нарочно, чтобы скорѣе портилась. Бросить въ корзину живую рыбу, перейти улицу, а рыба уже рогъ раскрыла.

Кричатъ, галдятъ. Особая португальская нѣжность—ткнуть другого рукой подъ ребра.

Когда на нашъ пароходъ пріѣхало человекъ десять провожающихъ лиссабонцевъ, пришлось постыдно бѣжать изъ смокингрума. Похоже было на какую-то катастрофу, если судить по шуму.

Они пили въ смокингъ-румѣ теплое шампанское, хлопали другъ друга по плечу или тыкали рукою въ бокъ, горланили и, вѣроятно, не вспоминали о томъ, что теперешнюю тропическую Голландію открылъ португалецъ Васко-де-Гама, и что хозяева того парохода, на которомъ они пьютъ шампанское—голландцы—отняли у нихъ эти богатѣйшія колоніи...

III.

32.000.000!

Мы совершенно не представляемъ себѣ: что такое Ява, какое это богатство?

Сколько живетъ людей на Явѣ—одномъ большомъ островѣ и двухъ маленькихъ?

Я точно дѣлаю вопросъ изъ учебника географіи для ученика перваго класса. Но я спрашивалъ у десяти развитыхъ образованныхъ людей:

„Сколько жителей на островѣ Явѣ?“—

отвѣчали:

„Милліонъ, три милліона, пять милліоновъ“...

Никто не сказалъ и близкой цифры. А тамъ живетъ 32.000.000 малайцевъ! Это 16 Петербурговъ!.. Какая невѣроятная для тропиковъ густота населенія.

Островъ изрѣзанъ хорошими дорогами—грунтовыми и желѣзными. Ботаническій садъ въ Буитензоргѣ считается роскошнѣйшимъ въ мірѣ. Впрочемъ, „роскошнѣйшихъ“ я знаю уже два—въ Рио-де-Жанейро и въ Коломбо... „Самый лучшій“ никогда не бываетъ одинъ, всегда нѣсколько „самыхъ лучшихъ“.

Острову Явѣ даетъ особую прелесть его гористость: въ 2—3 часа изъ тропиковъ можно подняться въ умѣренный климатъ и даже въ холодъ.

Число туристовъ, глобтротеровъ, шныряющихъ по міру, растетъ быстро. Но особенно поразителенъ этотъ ростъ для Явы. Вотъ цифры изъ официальнаго голландскаго отчета:

въ 1908 году Яву посѣтило 528 туристовъ,

въ 1913 году 9.842 туриста.

Ростъ постепенный и прогрессивный.

* * *

Въ августѣ на Явѣ въ Семарангѣ открывается выставка.

Выставка не претендуетъ на грандіозность, но зато она будетъ экзотична вполне. Голландцы не спятъ. Этотъ умѣренный, трудолюбивый

вый, хотя и грубоватый народ не выпустит из рук то, что имѣетъ. Хотя что значитъ: „не выпустить“? Онъ сохраняетъ свои колоніи волею великихъ державъ. Есть страны, вродѣ славянскихъ земель, которыя всѣмъ хочется дѣлится, на которыя всѣмъ хочется вліять. Почему не обратятъ благосклоннаго вниманія на голландскія колоніи? Здѣсь больше основаній для захвата, малайцы вѣдь поработены. Отнюдь не хочу сказать, что нужно что-то у кого-то захватывать, хочу только подчеркнуть абсурдность современныхъ политическихъ стремленій. У людей еще много осталось отъ Каменнаго вѣка. Мнѣ это особенно лѣзло въ голову, когда мы шли по Ламаншу въ Саутгемптонъ мимо всей англійской эскадры, ожидавшей королевскаго смотра. Дредноуты, сверхъ-дредноуты и пушки, пушки, пушки... Все, чтобы разрушать культуру, которую мы, современные люди, такъ гордимся. Вѣдь не для дикарей строятся дредноуты. Это наивно (что я пишу), это маниловщина при современныхъ условіяхъ, но это можетъ быть будетъ аксіомой какихъ-нибудь нашихъ отдаленныхъ предковъ. Они будутъ говорить:

„Это было въ тѣ дикія времена, когда рядомъ съ христіанскимъ ученіемъ, рядомъ съ вегетарианствомъ, рядомъ съ борьбой съ вивисекціей и надписями на знаменахъ — „Братство“, люди сотнями тысячъ истребляли другъ друга помощью совершеннѣйшихъ орудій“...

Я выписываю сейчасъ изъ своего дорожнаго дневника. Я записывалъ это на голландскомъ пароходѣ всего за нѣсколько дней до той страшной европейской войны, которую мы переживаемъ. Могъ ли я думать, глядя на эти десятки, сотни англійскихъ военныхъ судовъ, на эти жерла пушекъ, что онѣ черезъ нѣсколько дней будутъ пущены въ дѣло, что онѣ окажутся необходимѣйшими вещами...

IV.

НА ГОЛЛАНДСКОМЪ ПАРОХОДѢ.

Мнѣ приходится первый разъ ѣхать на голландскомъ пароходѣ. Я нарочно выбралъ голландскій для этой поѣздки вокругъ Европы, чтобы сравнить его съ другими. Нѣтъ той роскоши, что на англійскихъ и нѣмецкихъ пароходахъ. Ёда не особенно изыскана, но очень чисто, очень просто и, пожалуй, удобно. Что касается самихъ голландцевъ, то они въ высшей степени довольны и не нахвалятся своимъ пароходомъ.

Въ ѣдѣ обиліе рыбы, и рыба превосходная. Много всякихъ компотовъ, зелень до „пальмовыхъ сердецъ“ включительно. Въ 11 час. утра вмѣсто традиціоннаго англійскаго бульона съ крэкерами то „advocaat“ (ликеръ съ яичнымъ желткомъ), то вишни въ джинѣ, то еще какое-нибудь мѣсиво.

Отношеніе къ дѣтямъ — англійское: имъ категорически запрещенъ входъ въ общія комнаты. На нѣмецкихъ пароходахъ дѣти гуляютъ, гдѣ имъ угодно. Это запрещеніе можетъ оцѣнить только тотъ, кому дѣтвора отравляла недѣлями жизнь на нѣмецкихъ пароходахъ, гдѣ некуда укрыться отъ дѣтскаго шума.

Пассажиры нашего парохода — голландцы, нѣмцы и англичане. Я боюсь, что нѣмцевъ вообще становится на пароходахъ не меньше, чѣмъ англичанъ. Они всюду. Здѣсь нѣмцевъ особенно много, такъ какъ голландцы ближе другихъ въ своихъ симпатіяхъ къ нимъ — близкіе языки, совмѣстная дѣла, много общихъ интересовъ.

Среди нашихъ голландцевъ нѣсколько „ванъ“, остальные безъ „ванъ“, но всѣ очень простые, сказалъ бы — грубоваты, хотя и симпатичны.

Потѣшалъ всѣхъ нашъ пассажиръ — старикъ съ головой, какъ красный бильярдный шаръ, безъ единого волоска, все вмѣстѣ пудовъ 11. Большущія голландки съ обожженными до-красна лицами и руками, это — особое молодечество: сидѣть на солнцѣ и печься; лекутся до боли и потомъ мажутъ покрасившія мѣста вазелиномъ, утѣряютъ, что это очень здорово. Платья невѣдомыхъ сезонныхъ. Нѣсколько старухъ въ черномъ и лиловомъ, старухи удивительно веселы и жизнерадостны. Особенно смѣшны всѣхъ одна, самая толстая — поетъ, пробуетъ танцевать, примѣряетъ шляпы всѣхъ пассажировъ и стронгъ рожки, чтобы смѣшны...

Пять, шесть мужчинъ обѣдаютъ въ смокингахъ, остальные не усвоили этой англійской привычки. Къ тому же самый стиль жизни на пароходѣ не обязываетъ къ надѣванію смокинга или фрака. Зато удивительно дешево, трудно требовать больше за эти деньги: двѣнадцать дней отъ Амстердама до Генуи, съ ѣдой, въ первомъ классѣ, 120 рублей.

Воздухъ дивный, онъ одинъ стоитъ этой суммы. Вездѣ чисто. Прислуга — малайцы съ Явы. Ихъ зовутъ не „стюартами“, какъ вездѣ на морѣ, а „ѣнгигъ“ (jongen). Ходятъ всѣ они босякомъ, — включая и главнаго стюарта, — въ полосатыхъ рубашкахъ, съ головой, завязанной платкомъ, причемъ платокъ непременно повязанъ такъ, чтобы сзади торчали два хвостика.

Сидѣть на мебели малайцамъ не разрешается, и въ свободныя минуты они лежатъ прикурнувши на полу или сидятъ въ уголкахъ на корточкахъ.

До Явы ѣдетъ только человекъ сорокъ, остальные выходятъ въ Генуѣ. А тамъ, въ Генуѣ, сидятъ настоящіе дѣловые люди, ѣдущіе въ колоніи. Они выгадываютъ 10 дней, переѣзжая Европу экспрессомъ вмѣсто того, чтобы оплывать ее на пароходѣ. По этому же пути, черезъ Генуѣ, идетъ въ тропическую Голландію вся почта.

Въ ясную погоду занятно смотрѣть въ воду съ носа парохода. Видно глубоко; видны рыба, дельфины, водоросли. Иногда пароходъ нагонитъ стаю рыбъ, и онѣ, какъ поросенокъ отъ автомобиля, удираютъ не въ сторону, а по движенію парохода. Долго стараются, пароходъ нагоняетъ, рыбы прыгаютъ изъ воды, продѣлываютъ сальтомортале и, наконецъ, совсѣмъ обалдѣлыя исчезаютъ подъ пароходомъ...

Мы все ѣхали и ѣхали, живя регулярнымъ строемъ пароходной жизни, а въ это время въ Европѣ готовились къ величайшей бойнѣ. До насъ еще ничего не доходило мы ничего не знали, ничего не предчувствовали!..

V.

ВЪ МАРОККО.

— „Вы поѣдете на ослѣ или на мулѣ?“

Это былъ главный вопросъ для нашихъ голландскихъ пароходныхъ дамъ. Многія все-таки совсѣмъ не поѣхали, такъ какъ не нашлось, достаточной прочности, ни ослевъ, ни муловъ: всѣ голландскихъ дамъ большой.

Высадка въ Танжерѣ въ лодки. Лодки сильно качаетъ при самомъ маленькомъ волненіи, портъ совершенно открытый, неудобный. Волненіе еще увеличивается отъ неистоваго гортаннаго крика арабовъ, негровъ, здѣшнихъ испанцевъ и мароккскихъ евреевъ. Чего они гарланяютъ — никто не пойметъ; это своего рода функція южнаго организма, какъ жвачка у коровы или верченіе у японскихъ мышей.

Люди всѣхъ цвѣтовъ. Арабы и евреи красивы.

Грязь вездѣ, грязь такая, что поражаешься какъ всѣ люди не умерли отъ холеры, тифа или чумы въ этихъ узенькихъ полутемныхъ путаныхъ переулочкахъ и тупикахъ. Дѣти забавляются дохлыми собаками и кошками среди гниющихъ объѣдковъ. Тошнитъ отъ испарений...

Голландскія колоніи.
Женщина съ остр. Ява.

Голландскія колоніи.
Мѣсто морскихъ купаній на остр. Ява.

Нисколько не жалко этой умирающей арабской культуры, если она несетъ съ собой такую мерзость. Правы, вѣроятно, тѣ ученые и писатели, которые предостерегаютъ отъ слишкомъ глубокихъ вздоховъ по минувшимъ культурамъ. Будучи перенесены въ кругъ современныхъ пониманій, привычекъ и требованій, они, эти культуры, оказались бы вродѣ этихъ закоулковъ Танжера.

Сходимъ на берегъ.

Десятки гидовъ предлагаютъ услуги. „Предлагаютъ“—неправильно: они васъ не спрашиваютъ, просто тянутъ, готовы разорвать каждого на двое и провожать по городу эти половинки, лишь бы каждый могъ что нибудь заработать отъ „благороднаго иностранца“.

„На какомъ языкѣ вы лучше говорите?“

— спрашиваю гида по-французски.

„Я говорю по французски, по англійски, по нѣмецки, по голландски, по испански, по шведски...“

„Довольно! довольно!“...

останавливаютъ его.

Это не предвѣщаетъ хорошаго, но тѣмъ не менѣе мы благополучно сговариваемся на смѣси англійскаго, французскаго, нѣмецкаго и испанскаго. Изъ каждаго языка гидъ знаетъ по десятку словъ.

„Lingua franca“—

замѣчаетъ кто то.

Испанскій знаютъ здѣсь почти всѣ, хотя понемногу. Французскій—гораздо меньше. Вообще, совсѣмъ не видишь французскаго протектората надъ Марокко. Въ порту стоитъ только испанскій крейсеръ, а наша моторная лодка хотя и подъ французскимъ флагомъ, но матросъ говоритъ только по англійски. На лучшемъ мѣстѣ Танжера нѣмецкая почта. Надписи и вывѣски главнымъ образомъ по испански. Флаги красные. Это не только цвѣтъ революціи, но и мароккскій національный флагъ. Надо, впрочемъ, оговориться, что это не флаги, а грязныя трепанія тряпки, прицѣпленныя за кончикъ такой же грязной веревкой.

Арабы сердятся, когда имъ напоминаешь о французскомъ губернаторѣ въ Фецѣ и увѣряютъ, что его тамъ нѣтъ. У меня осталось, къ сожалѣнію, такое впечатлѣніе, что нѣмецкая почта дѣлаетъ тутъ больше, чѣмъ французскій губернаторъ...

* * *

Ослы и мулы везутъ насъ за городъ, потомъ въ Касбу, гдѣ особенному вниманію туристовъ рекомендуются двѣ тюрьмы: одна для мусульманъ, другая для евреевъ. Полны обѣ. У тюремнаго входа лежатъ на грязной цыновкѣ начальство—старый арабъ, и лѣниво сгоняетъ со своего лица мухъ такой метелкой, какой мы сметаемъ ковра. Мухъ дѣйствительно много и маленькой метелкой съ ними не справиться.

Наши проводники ругаютъ тѣмъ временемъ погонщиковъ и когда мы снова садимся верхомъ, гортанное „арря... арря“ замѣняющее здѣсь наше понукательное „ню...“ сыплется на нашихъ осликовъ и муловъ. Одинъ спотыкается и мягкая голландка, мягко сѣзжаетъ съ него на мостовую, безъ всякихъ травматическихъ и иныхъ поврежденій.

Когда осликъ-водовозъ съ четырьмя маленькими боченками идетъ навстрѣчу по улицѣ, приходится подбирать ноги, чтобы не прижало къ грязной стѣнѣ. Такова ширина улицы. Вдвоемъ ѣхать рядомъ невозможно.

Ѣдемъ обратно. Рынокъ. Еще больше гвалта. Кучки барановъ и осликовъ молча стоятъ среди галдящихъ людей. У кафе устроеннаго уже на европейскій манеръ, прыгаетъ съ ноги на ногу жалкій старикъ, суданскій негръ, увѣшанный побрякушками. Онъ высовываетъ языкъ, мотаеъ головой и издаетъ ртомъ какіе то звуки, вродѣ тихой дроби барабана.

Ѣдущій рядомъ англичанинъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ здѣсь этого негра пятнадцать лѣтъ назадъ.

Подавшие старикъ арабъ выдуваетъ ртомъ огонь изъ пучка соломы и вставляетъ булавки въ ротъ змѣи.

Въ Марокко.

Укротитель змѣи на улицѣ Танжера.

Въ Марокко.

Суданскій негръ-гаеръ на улицѣ Танжера.

бушей“, въ которыхъ входятъ въ мечеть.

* * *

Отплывая изъ Танжера, можетъ быть и хотѣлось еще когда нибудь посмотреть мелькомъ на эту экзотику, но дѣлалось неприятно при мысли,—

„А что если бы пришлось жить въ этой грязи? въ этихъ узенькихъ закоулочкахъ? среди этихъ гниющихъ воюющихъ остатковъ?..“

Такъ хорошо дышалось послѣ духоты берега въ открытомъ морѣ.

Черезъ два часа проходили уже Гибралтаръ между маяками налѣво и направо—въ Европѣ и въ Африкѣ. Всего 12 километровъ осталось здѣсь воднаго пространства между двумя материками. Древній Herculanum, теперь англійскій Гибралтаръ. Эти древніе геркулесовы столбы наворожены были для англичанъ. Геркулесъ работалъ на англійскую націю...

Вл. Крымовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

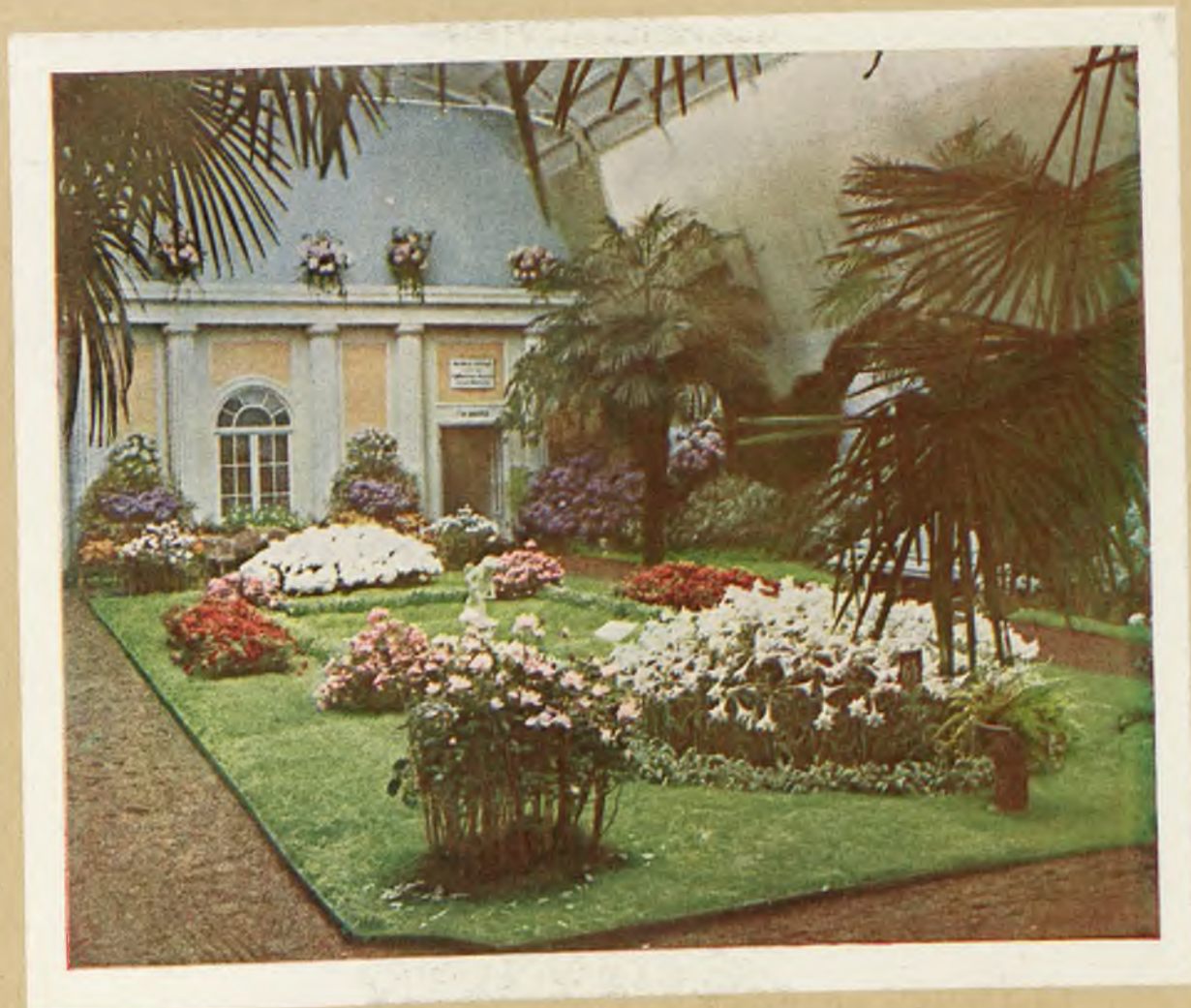
(Фот. автора).

Въ Марокко.

Укротитель змѣи выдуваетъ огонь изъ соломы.

ВЕСЕННЯЯ ЦВѢТОЧНАЯ ВЫСТАВКА
ВЪ ТАВРИЧЕСКОМЪ ДВОРЦѢ.
(1914 годъ).

Снимокъ съ природы въ краскахъ
инж. А. Е. Бѣлого.

Баронесса Н. В. фонъ-деръ-Остенъ-Дризень, работающая на раненыхъ въ отдѣлѣ склада Ея Величества.

Граф. Теоф. Влад. Беннигсенъ уѣхала въ числѣ первыхъ сестеръ милосердія на войну.

Фрейлина Ихъ Император. Величество княжна Антон. Алдр. Уурсова. Сестра милосердія Георгіевской общины. Была сестрою милосердія въ русско-японскую войну и во время балканской (въ Лозенградѣ).

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

На открытіи лазарета, устроеннаго въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія.

Среди присутствующихъ: министръ путей сообщенія С. В. Рухловъ съ супругой Е. Е. Рухловой, Н. И. Туганъ-Барановскій. Старшая сестра: Н. А. Александровская; сестры: М. А. Лагорио, Е. А. Ивановская, П. Н. Довгялло, О. А. Сазонова, В. А. Викторичъ и друг.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Большинство дам нашего общества занято сейчасъ работой въ „Красномъ Крестѣ“, въ разныхъ общинахъ и лазаретахъ, шитьемъ на раненыхъ дома; рядъ барскихъ квартиръ отвѣденъ подъ лазареты, многіе берутъ раненыхъ на домъ.

Мы будемъ печатать серію портретовъ и группъ работающихъ, помѣщать снимки этихъ барскихъ особняковъ и т. д.

О. П. Скрьдлова, жена адмирала.

А. А. Чаплина, рожд. фонъ-Галлеръ, жена бывш. Товар. Мин. Юстиціи, нынѣ сенатора.

Дамы за работой у жены Министра Иностранныхъ Дѣлъ А. Б. Сазоновой.

Среди присутствующихъ: А. Б. Сазонова, граф. Н. Ф. Карлова, граф. М. А. Мусниа-Пушкина, княг. М. К. Трубецкая, М. Г. Арцимовичъ съ дочерью, Е. Е. ванъ-деръ-Флигъ, баронесса Е. М. фонъ-деръ-Паленъ, М. П. Коростовецъ, З. Н. Веретенникова и друг.

Мар. Сер. Филатова, рожд. Тимротъ, уѣхала сестрой милосердія на войну.

Елиз. Федор. Демидова, рожд. Тренова, жена Волынскаго Губернскаго Предводителя дворянства, работаетъ въ организациі Краснаго Креста.

Княг. Суз. Карл. Бѣлосельская-Бѣлозерская, рожд. Виттѣрь.
(она же въ группѣ).

Открытие дамскаго лазарета для раненыхъ воиновъ у Спаса на водахъ.

Въ числѣ присутствующихъ: кн. Н. Н. Гагаринъ, княг. Т. М. Гагарина, графиня С. А. Ферзенъ, граф. М. М. Орлова-Давыдова, княг. С. К. Бѣлосельская-Бѣлозерская и друг.

ЦВѢТОКЪ ОКЕАНА

(Окончаніе).

Послѣ обѣда я пошелъ курить на бакъ и сѣлъ на бухту каната, закрытый кливеромъ. Вѣтеръ былъ понутный, и мы несли всѣ паруса въ помощь старой машинѣ. Я нашель чловѣка, при видѣ котораго должно бы радостно биться сердце, а мнѣ хотѣлось выброситься за бортъ. Я докуривалъ третью сигару, когда почувствовалъ, что она идетъ ко мнѣ. И мнѣ сдѣлалось легко и радостно, и впереди, въ фосфорическомъ сіяніи ночного океана, показался ласковый янтарный свѣтъ.

Она прислонилась къ парусу и запѣла. Я зналъ, что она должна хорошо пѣть, но она пѣла лучше, чѣмъ я ожидалъ. Это былъ низкій голосъ, какъ шумъ волны. Она пѣла канакскую пѣсню почти изъ одиѣхъ гласныхъ, рокочущую сдвнленнымъ горемъ. Море слезъ билось въ ея голосѣ. Никогда ни раньше, ни потомъ не слыхалъ я такой пѣсни. Я узналъ потомъ ея слова, но они были такъ просты, такъ ничтожны сравнительно съ звуками, что я не записалъ ихъ. Какая то дѣвушка жаловалась на берегу, что море отняло у нея ея милаго. Но въ звукахъ, въ голосѣ, плакала не дѣвушка, плакало все женственное и чистое, страстно рыдая, несмотря на свою безпредѣльность. Когда она кончила, я могъ сказать только: „Еще, ради Бога, еще!“ Но она наклонилась надо мной, обняла мою голову и, закрывъ глаза, прижала свое лицо къ моему. Я почувствовалъ, что ея лицо было мокро отъ слезъ. Черезъ минуту она оттолкнула меня и быстро скрылась за парусомъ.

Я побѣждалъ за нею и въ входа въ рубку наткнулся на ванъ-Берга. Онъ сидѣлъ въ пиджамѣ, тонціи и блѣдный, и пилъ содовую воду. „Урокъ пѣнія? — спросилъ онъ насмѣшливо. — Канакскія пѣсни? Набилъ ими оскомину въ Гонолулу. Для васъ это новость? Я ничего не отвѣтилъ и прошель къ себѣ въ каюту. Раскрывъ мѣшокъ, я вынулъ револьверъ и сталъ смотрѣть, пѣтъ ли пустыхъ мѣстъ въ барабанѣ. Положивъ его въ карманъ, я сталъ закрывать мѣшокъ и невольно взглянулъ на браслетъ. Днемъ раковины блестяи, какъ жемчугъ, теперь онѣ были матовыя и сѣрыя. И въ ужасѣ, положивъ револьверъ обратно въ мѣшокъ, я бросился на койку, спрашивая себя: „такъ что же мнѣ дѣлать?“...

Я встрѣтилъ ее утромъ похудѣвшей и блѣдной и сказалъ ей: „Браслетъ далъ мнѣ знать, что вы больны“.

— Мы оба больны, — отвѣтила она. — Будьте осторожны, умоляю васъ. Дѣло идетъ о нашей жизни.

— Я не боюсь, — отвѣчалъ я. — Я раздавлю его, какъ гадину.

— Но я боюсь за васъ и за себя. Ради меня... Ради нашей любви... И она ускользнула въ проходъ между каютами.

За завтракомъ и обѣдомъ отсутствіе ванъ-Берговъ служило темой очень злобныхъ намековъ. На меня дамы враждебно косились, а мужчины смотрѣли неодобрительно. На другой день утромъ мы должны были прійти въ Йокогаму. Пассажиры занялись счетами и багажемъ. Я сидѣлъ у входа въ рубку, надѣясь ее увидѣть, но она не показывалась. Я писалъ ей письмо и рвалъ листокъ за листкомъ.

Была уже ночь, сырѣе и холоднѣе, чѣмъ предыдущія. Я бродилъ по палубѣ и курилъ, потому въ изнеможении присѣлъ на кормѣ у рулевой машины. Вдругъ она подошла ко мнѣ и, присѣвъ въ тѣни, сказала: „Волшебная сказка кончилась“...

— Пѣтъ, только начинается, — отвѣтилъ я. — Браслетъ свѣтлѣеть.

Я не помню, что она говорила и говорила ли что нибудь, я не помню, какъ она ушла, помню только, что она просила меня не встрѣчаться съ нею и не искать ея ни въ Йокогамѣ, ни въ Токио. Я общалъ, что пробуду только два дня въ этихъ городахъ и уѣду въ Нагасаки, гдѣ проживу двѣ недѣли. Я былъ такъ разбитъ, что не могъ бороться. Какъ будто кто то вытянулъ изъ меня волю. „Не подсыпалъ ли мнѣ чего нибудь проклятый голландецъ — подумалъ я, — бой сдѣлаетъ это охотно за десять долларовъ“.

Передъ уходомъ на берегъ, прощаясь съ капитаномъ, мы столкнулись съ ванъ-Бергомъ. Онъ любезно поздоровался и спросилъ, долго ли я пробуду въ Йокогамѣ.

— Я ѣду въ Юмото, — отвѣтилъ я, — тамъ живетъ нашъ посланникъ, и поселюсь въ Никко. Благодарю васъ за пріятное общество.

Онъ сказалъ мнѣ какую то любезность и, когда подошла Вероника, объявилъ ей, что она встрѣтится со мною въ Никко черезъ недѣлю. Она улыбнулась мнѣ и мы обмѣнялись обычными фразами.

Когда рикша привезъ меня въ отель на набережной и я вошелъ въ указанную мнѣ комнату, французъ, помощникъ управляющаго спросилъ, не нужно ли мнѣ доктора. Я отвѣтилъ, что достаточно черного кофе. Браслетъ былъ тусклаго, сѣраго цвѣта.

За обѣдомъ, у консула Густинова, я говорилъ что то совершенно дикое о браслетахъ, которые служатъ барометромъ души, и милая консульша спрашивала, не заболѣлъ ли я лихорадкой въ Гонолулу, что, будто бы, иногда случается. Консулъ участливо спросилъ наединѣ: я вамъ рекомендую опытнаго врача-француза. Знаю я этихъ Frisco-girls. Ужасная дрянь. Когда я плавалъ на „Разбойникѣ“... Но я перебилъ его, сказавъ, что я совершенно здоровъ. А когда мы прощались, онъ получилъ для меня телеграмму, которая меня вызывала въ Нагасаки, гдѣ меня уже ожидали, и утромъ я уѣхалъ въ Модзи.

Много русскихъ перебивало въ старой гостиницѣ, на горѣ надъ нагасакской бухтой, многіе помнятъ полную пожилую французенку-хозяйку и толстаго японца, хозяина французенки; помнятъ столики въ саду и балконъ вокругъ дома, на который выходили комнаты. Помнятъ пронзительный свѣтъ луны, пробивавшійся черезъ вѣтви камелій и криптомеріи, пріятный запахъ цвѣтовъ и деревьевъ, безконечный визгъ цикадъ и сверканье свѣтящихся жучковъ, летающихъ, какъ маленькіе метеоры.

Въ старой милой гостиницѣ Belle Vue я нашель „сановника“ Безбрежнева съ его секретаремъ, который пріѣхалъ на добровольцѣ, чтобы руководить переговорами. Онъ былъ такой же чистенькій, аккуратный и спокойный, какъ и въ Петербургѣ, и также игралъ по вечерамъ въ винтъ. Ко мнѣ онъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ, освѣдомился о моемъ здоровьи и предложилъ составить проектъ переговоровъ. Вечеромъ мы надѣли бѣлые смокинги и обѣдали вмѣстѣ.

Трудъ излѣчиваетъ не только физическія болѣзни, но и душевныя, и я засѣлъ за работу въ своей комнатѣ. Только одинъ разъ ужасъ захватилъ меня опять. Это было за обѣдомъ. Передавая что-то сосѣду, я невольно посмотрѣлъ на браслетъ. Онъ былъ почти черный. Я отдернулъ рукавъ рубашки и сталъ смотрѣть на раковины.

— Что съ вашимъ экзотическимъ браслетомъ? — спросилъ Безбрежневъ, который находилъ, что серьезному молодому чловѣку излишне носить браслетъ, да еще изъ раковинъ. — Онъ былъ бѣлый, а теперь почти черный.

— Это отъ сырости, — отвѣтилъ я. — Смотрите, онъ бѣлѣеть.

— Интересныя раковины, — замѣтилъ старикъ. — Теперь почти бѣлыя, но минуту тому назадъ онѣ показались мнѣ черными.

— Это бываетъ, — отвѣтилъ я спокойно и перевелъ разговоръ на офицеровъ крэйсера, которые шумно обѣдали въ тѣни камелій.

„Что съ ней случилось?“ — спрашивалъ я себя. — „Она была на волосъ отъ смерти. Но теперь ей лучше, чѣмъ прежде“. Я уже нѣсколько разъ поднималъ разговоръ, что мнѣ необходимо съѣздить въ Йокогаму, собрать нѣкоторыя свѣдѣнія у консула, но сановникъ отвѣчалъ, что это невозможно. Мнѣ удалось все-таки пойти нѣсколько важныхъ непредусмотрѣнныхъ вопросовъ, которые требовали сношенія съ Петербургомъ, и Безбрежневъ подписалъ составленную мною телеграмму. Отвѣтъ не могъ прійти раньше недѣли и нашъ отъѣздъ изъ Нагасаки откладывался „съ пользой для дѣла“.

Быль вечеръ, когда я писалъ въ своей комнатѣ. Черезъ балконъ въ открытую дверь проникали яркіе синеватые лучи

луны. Миѣ было какъ то особенно хорошо и спокойно. Приставленный ко миѣ шпионъ мирно спалъ въ корридорѣ, но миѣ казалось, что кто то смотритъ на меня съ балкона, хотя я не слышала шума шаговъ. Вдругъ мимо окна промелькнула какая то тѣнь. Я оторвалъ глаза отъ бумаги. Въ открытой двери стояла Вероника. Комната наполнилась тихимъ янтарнымъ свѣтомъ и зазвенѣли золотые цвѣты моихъ дѣтскихъ грезъ. Шатаясь, я подошла къ ней, и мы ничего не сказали другъ другу.

Когда она уходила утромъ, я спросилъ ее, гдѣ ванъ-Бергъ. Она поблѣднѣла и, неопредѣленно махнувъ рукой, отвѣтила: „Онъ тамъ“...

— Правда, ты была очень больна четыре дня тому назадъ? — спросилъ я.

— Я была на волосокъ отъ смерти.

Безбрежневъ растаялъ, когда я представилъ его за обѣдомъ миссисъ Вероникѣ Смишъ, а его секретарь Студеничъ буркнулъ: „вотъ такъ бабенъ“. Вероника довольно хорошо говорила по-французски и старикъ разсыпался въ любезностяхъ. Но, когда я сказалъ ему, что не поѣду въ Сеулъ, что онъ гораздо опытнѣе меня и прекрасно справится безъ меня съ переговорами, онъ отвѣтилъ миѣ рѣзко, что это измѣни дѣлу и что этого миѣ никогда не простятъ въ Петербургѣ.

— У васъ есть еще двѣ недѣли, чтобы праздновать медовый мѣсяцъ, а потомъ за работу.

— Медовый мѣсяцъ долженъ состоятъ изъ четырехъ недѣль, ваше превосходительство.

— Вторые двѣ на обратномъ пути изъ Сеула.

— Но вѣдь миссисъ Смишъ можетъ тоже поѣхать въ Сеулъ?

— Это будетъ очень пріятно. Однако, при условіи, чтобы ея присутствие не ослабило вашей трудоспособности. А покаместъ можете устраивать пикники и развлекать общество.

Но мы возвращались въ Belle Vue только поздно вечеромъ, если возвращались. Мы бродили по горамъ за Моти, ѣздили по всему острову Кюсю, вездѣ, гдѣ были пинны, рѣчки, рощи бамбука, маленькія простыя харчевни. Мы почти не говорили, а читали мысли другъ друга. И странно, никогда не думали, никогда не вспоминали о ванъ-Бергѣ, точно его никогда не было. Трудно рассказать нашу тогдашнюю жизнь. Да и не нужно. Это былъ свѣтлый сонъ въ янтарной долинѣ. Когда мы плыли на лодкѣ по тихимъ заливамъ острова Амакусы, намъ казалось, что мы летаемъ въ золотистомъ миѣрѣ будущаго, который открытъ преображеннымъ. Время скользило незамѣтно, какъ будто мы въ самомъ дѣлѣ перелетѣли уже „двойную грань пространства и вѣковъ“...

* * *

Она никогда не была такъ проникновенна, какъ въ этотъ вечеръ. Вся—ласка, вся—счастье, вся—радость, ея женственность, казалось, достигла послѣдней высоты одухотворенности. Мы строили прочные и далекіе планы на будущее. Въ Россіи, какъ и на островахъ Тихаго океана, переходъ отъ естественной древней жизни къ жизни цивилизованной, созданной въ тѣсныхъ городкахъ европейскаго запада, давить и истребляетъ слабыхъ. Помочь этимъ слабымъ перейти въ разрядъ сильныхъ, сплотить ихъ, дать имъ знанія, сообщить имъ опытъ народовъ запада—долгъ каждому, кто видитъ въ дикарѣ не звѣря, а брата. Я рассказывалъ ей о подвигѣ Миклухи-Маклая въ Новой Гвинее, и его мужественная защита дикарей, нашедшая откликъ въ сердцѣ русскаго Царя, растрогала ее до слезъ. Мы оба оказались народниками: и каначка, и новгородецъ. Мы оба, такъ странно брошенные другъ къ другу судьбой на равнинѣ Великаго океана, сильные, свободные и счастливые, мечтали передать свое счастье и свою силу тѣмъ, которыхъ жестокая образованность, отступившаяся отъ христіанства, осудила на вымирание. И, когда мы разставались, я сказалъ ей, что боги не могутъ больше завидовать нашему счастью: мы отдаемъ его силу и его волю другимъ, которыхъ судьба намъ обдѣлила.

Было за полдень, когда я пошелъ, какъ всегда, звать ее къ завтраку. Въ ея комнатѣ никого не было, не было и ея вещей. Я спросилъ слугу, отчего миссисъ Смишъ перемѣнила комнаты.

— Она уѣхала,—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ уѣхала, куда?

— Уѣхала на „Копитику-мару“.

— А „Коптикъ“ въ гавани?

— Въ полдень ушелъ въ Гонконгъ. Она сказала: „Скажи русскому сэру, что письмо у мэнэджера, Мійямота-сана“.

— Принеси письмо въ мою комнату,—сказалъ я, схватившись за косякъ двери.

Японецъ стоялъ, выпучивъ глаза, и шипѣлъ: должно быть, онъ прочелъ на моемъ лицѣ то, чего не замѣтно было въ моемъ голосѣ: начинавшееся безуміе. Я пошелъ къ себѣ, а онъ побѣждалъ за письмомъ.

„Милый, милый,—писала Вероника, я уѣзжаю отъ такого счастья, о которомъ не смѣла и грезить. Я уѣзжаю отъ его тѣни, чтобы она не отомстила тебѣ. Я его убила. Хотя посланникъ Тоста повѣрилъ моему рассказу, но японская полиція что-то подозреваетъ. Вчера я читала въ „Kobe Herald“, что они что-то нашли. И они стали бы допрашивать тебя, какъ моего сообщника. Ужасъ, ужасъ! Но я не могла поступить иначе. Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя встрѣтила, для меня началась пытка. А въ локомотивѣ въ Никко онъ былъ ужасенъ; я никогда не думала, что люди могутъ быть такъ гнусны, такъ униженно жестоки. Мы шли съ нимъ по скаламъ,

у озера Чузэнди, и я сбросила его въ воду. Онъ выстрѣлилъ и не попалъ. Лучше бы было, если бы онъ убилъ меня, чѣмъ то, что теперь. Но не пщи меня, не бери на себя той кары, которая меня ждетъ, того проклятія, которое я заслужила. Я стремилась къ свѣту и попала въ адъ. Но я никогда не допущу, чтобы ты послѣдовалъ за мной туда потому только, что ты такъ любишь меня. Я украли у тебя любовь. Я благословляю тебя. Какъ ты хотѣлъ, я буду жить для моихъ братьевъ, несчастныхъ дикарей. Береги мой браслетъ. Цѣлую тебя вѣчнымъ поцѣлуемъ. Твоя навсегда Вероника Лиліуокалани“.

Я потребовалъ „Kobe Herald“ за послѣднія двѣ недѣли. Тамъ сообщалось, что знаменитый голландскій художникъ ванъ-Бергъ, по ходатайству нидерландскаго посланника г. Тосты, получилъ всемілостивѣйшее повелѣніе написать портретъ Императрицы. Затѣмъ, что писаніе портрета отложено на мѣсяцъ, вслѣдствіе отъѣзда Императрицы въ Кіото, но что Императрица дала аудіенцію художнику и его супругѣ, гавайской принцессѣ. Художникъ съ супругой уѣхали въ Никко изучать усыпальницы рода Такугава.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ жирнымъ прифтомъ было напечатано: „Гибель знаменитаго художника“. Въ статьѣ рассказывалось, какъ ванъ-Бергъ съ супругой, послѣ завтрака у голландскаго посланника, кавалера Тосты, въ Комэ-ія отелѣ, въ Чузэнди, отправились по направленію къ горѣ Нантай-зану по обрывистому берегу, какъ художникъ, желая достать длинный мохъ саругасе, растущій на скалѣ, поскользнулся и упалъ въ озеро, какъ раздался два выстрѣла и дровосѣки нашли тѣло ванъ-Бергъ въ обморокѣ отъ ужасной потери. Она стрѣляла, чтобы позвать на помощь. Ее перенесли въ гостиницу Комэ-ія, куда посланникъ Тоста вызвалъ врача изъ Никко и т. д. Потомъ сообщалось, что, несмотря на поиски рыбаковъ, тѣло не найдено, что потрясенная ужасной потерей, г-жа ванъ-Бергъ уѣхала по совѣту посланника изъ Никко, что оберъ-камергеръ по повелѣнію Императрицы послалъ ей соболъзнованіе по телеграфу.

Я быстро проглатывалъ номеръ за номеромъ и въ одномъ изъ послѣднихъ нашелъ статью подъ заголовкомъ: „Тайна Чузэнди“. Въ ней говорилось, что тѣло художника найдено, что найденъ его револьверъ съ одной пустой гильзой, что въ рукѣ его сохранился вырванный кусокъ бѣлой ткани, что на задней части головы ясно замѣтенъ слѣдъ отъ удара, но не о камне, а какъ будто отъ ручки револьвера. Прокуроръ города Никко обратился къ нидерландскому посланнику съ просьбой помочь ему въ дальнѣйшемъ разслѣдованіи путемъ снятія показаній съ вдовы покойнаго, которая находится въ Японіи и мѣстопробываніе которой полиціи извѣстно...

Дальше читать я не могъ, и, когда я очнулся, я увидѣлъ, что Безбрежневъ и морской врачъ съ „Рюрика“ стоятъ у моей постели.

— Я говорилъ, что выживетъ,—шепталъ басомъ докторъ.— Помилуйте, ваше превосходительство, такой организмъ, сердце, какъ хронометръ, и умереть! Просто обморокъ...

Первымъ моимъ движеніемъ было прижать къ глазамъ браслетъ; онъ былъ темно-сѣрый, но не черный. И я, вздохнувъ свободнѣе, снова впалъ въ забытѣе.

Безбрежневъ оказался добрымъ и сердечнымъ человѣкомъ, чего я отъ него не ожидалъ. Онъ далъ миѣ шифръ, и я телеграфировалъ въ Гонконгъ консулу. Отвѣтъ получился черезъ недѣлю. Г-жа Смишъ пріѣхала на „Коптикъ“ и уѣхала въ Австралію на датскомъ пароходѣ „Kipa“.

Безбрежневъ былъ моей нянькой, когда мы плыли въ Чемульпо на скверномъ японскомъ пароходѣ. Его тоже очаровала Вероника, и онъ не могъ объяснить себѣ причину ея бѣгства. Онъ думалъ, что мы поссорились, что она психопатка, и увѣрялъ меня, что она вернется.

— Что ей дѣлать въ Австралію? — говорилъ онъ въ утѣшеніе.— Ея мѣсто въ Парижѣ или въ Лондонѣ. Но, знаете, вамъ придется повозиться съ ней въ Петербургѣ. Такая женщина, такая женщина! Черная жемчужина... Цвѣтокъ океана...

Но въ сущности онъ былъ доволенъ такой развязкой. Я искалъ облегченія въ работѣ, которая была ему необходима, и только ночью смотрѣлъ на браслетъ изъ когда то бѣлыхъ, какъ жемчугъ, маленькихъ раковинъ-колумбелль.

Я страстно ждалъ письма изъ Австраліи, но оно не приходило, а браслетъ становился все бѣлѣе. И я радовался его бѣлизнѣ, потому что горе перегорѣло и осталась память о яркой грезѣ, которая была слишкомъ чудесна, чтобы не разсѣяться внезапно.

Прошло три года. Возвращаясь изъ Индіи, я съѣлъ въ Аденѣ на „Отранто“, шедшій въ Лондонъ изъ Сиднея. Въ числѣ пассажировъ былъ молодой оксфордскій ботаникъ Хоурдъ Уайнсъ, возвращавшійся изъ Полинезіи, гдѣ онъ изучалъ паноротики. Мы подружился съ нимъ, и онъ рассказалъ миѣ, между прочимъ, что въ Сувѣ, на островѣ Вити-Леву, въ группѣ Фиджи, онъ встрѣтилъ таинственную женщину, необычайно красивую, но фамиліи Вильсонъ, которая устроила образцовую земледѣльческую школу для туземцевъ и дѣлаетъ для нихъ много добра. Говорятъ, что она—американка, но она говоритъ на всѣхъ полинезийскихъ языкахъ, и туземцы называютъ ее „великой матерью“ и увѣряютъ, что она изъ рода древнихъ боговъ. Изъ перваго порта я написалъ г-жѣ Вильсонъ, но не получилъ отвѣта. Это подтвердило мою догадку, что Вероника и Вильсонъ—одно лицо.

Прошло еще четыре года. Въ жаркій іюльскій вечеръ въ купе поставленнаго на запасный путь вагона, недалеко отъ мукденскаго вокзала, при свѣтѣ двухъ толстыхъ свѣчей, я писалъ „соображенія“ о томъ, сколько провіанта наши войска могутъ получить изъ Гириньской и Мукденской провинцій. Надо было подсчитывать длинныя ряды весьма приблизительныхъ цифръ. Вдругъ я почувствовалъ дуновение холоднаго вѣтерка и увидѣлъ желтоватое облако въ темномъ углу купе. Холодъ пробѣжалъ у меня по спиѣ и въ облакѣ я

увидѣлъ лицо Вероники, блѣдное, похудѣвшее, но съ прежними глубокими глазами, полными покоя и примиренія. Я бросился къ облаку и оно исчезло. Дрожащими руками я сталъ искать въ чемоданѣ браслетъ, который былъ повсюду со мною. Когда я развернулъ его и поднесъ къ свѣчѣ, раковины были совсѣмъ черныя и изъ нихъ выходилъ матовый желтоватый свѣтъ...

Сергій Орѣховской.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Все теперь наполнено исключительно войной, даже модные журналы печатаютъ картинки войны, а не послѣднихъ моделей!

— Нѣтъ, англичане уже вошли въ нормальную колею, и если вы посмотрите послѣдніе номера ихъ „magazin'овъ“ или нѣкоторыхъ „illustrated“ то почти не увидите войны...

— Нельзя совсѣмъ забывать литературу, искусство или художество ни въ какіе моменты исторіи, это вѣчно: война пройдетъ, а это останется...

— И замѣтите, какъ успокаивающе дѣйствуетъ такой „мэгэзинъ“, какую онъ даетъ увѣренность—берешь его въ руки и сразу чувствуешь, что Англія остается той же могущественной Англіей, ничто не выбьетъ изъ колеи ея жизни, никакіе Вильгельмы...

Обѣдали. Приятельски шутили.

— „Плохое угѣшеніе узнать во время сквернаго обѣда, что хозяинъ за то совершенно безупреченъ въ смыслѣ нравственности“...

— „Это не ваша острота... это вы у кого-то вычитали... Вотъ я припомню у кого! Всегда слѣдуетъ читать книгу вспоминать, что она отпечатана не въ одномъ только экземплярѣ“...

Смѣялись.

— „Что вы дѣлаете? Какой ужасъ! Вы взболтали бутылку эля, вся муть поднялась“...

„Я дѣйствительно взболталъ нечаянно эль“

— отвѣтилъ тотъ, кто неловко повернулъ бутылку съ элемъ—

„согласенъ, что это преступленіе, но вы поступаете хуже: вы замѣчаете и подчеркиваете чужую неловкость... Вы вообще постоянно взбалтываете муть жизни.“

Этотъ вашъ вѣчный самоанализъ, копанье въ душѣ и своей, и чужой, исканіе первопричинъ и первоисточниковъ, ужасно это сплошное взбалтываніе муты жизни! Если эль портится отъ того, что его болтаютъ, то какже портится жизнь отъ подыманія со дна всякой скверны... У жизни тоже нужно сливать только верхушку, не заглядывать попусту глубоко—тамъ муть“...

Священные лотосы и ибисы въ Анасакѣ въ Японіи.

(Фотографія изъ послѣдняго № „Ladies Field“).

Выставка хризантемъ въ Токіо.

Она бываетъ каждый годъ въ ноябрѣ, открывается и въ этомъ году. Фотографія изъ послѣдняго № „Ladies Field“).

Заставка Н. Самокиша изъ юбилейнаго сборника Императорскаго Бѣговаго О-ва.

(Займствовано изъ юбилейнаго сборника Императорскаго Бѣговаго О-ва).

СПОРТЪ И КОННОЗАВОДСТВО ВЪ СТАРИНУ.

Начало правильного русскаго коннозаводства положено Петромъ Великимъ. До него задача отечественныхъ заводовъ сводилась къ доставленію Двору и войску верховыхъ лошадей, для усовершенствованія же ихъ не предпринималось почти ничего.

Къ 1712 году относится Указъ Императора Правительствующему Сенату, съ предписаніемъ учредить первые казенные конскіе заводы въ Казанской, Азовской и Кіевской губерніяхъ. Указъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе; тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть его серьезнаго значенія. Здѣсь впервые получила высокую санкцію Государева авторитета идея государственнаго коннозаводства, давшая впослѣдствіи блестящіе результаты: указъ осудилъ дворцовые заводы и выдвинулъ мысль о конскихъ заводахъ общегосударственнаго значенія.

Заботы Петра Великаго о развитіи русскаго коннозаводства выразились въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій. Для выработки тяжелой рабочей породы былъ основанъ въ Воронежской губерніи специальный заводъ.

Отсюда зародилась превосходная битюгская порода.

Кромѣ того, по повелѣнію Петра, было вывезено въ губерніи Вятскую и Пермскую, для улучшенія мѣстныхъ породъ, много ливонскихъ клепперовъ, лошадей выносливыхъ и способныхъ къ превосходной рыси. Такъ образовалась порода обывнокъ.

Далѣе, въ 1720 году, Петръ Великій повелѣлъ „завести въ Астрахани заводъ для скрещиванія персидскихъ жеребцовъ съ мѣстными черкасскими матками“.

Наконецъ, Петръ отмѣнилъ взиманіе конской пошлины въ „Москвѣ и городахъ съ проѣзжихъ торговыхъ иностранцевъ“, чтобы такимъ путемъ усилить ввозъ лошадей крупныхъ европейскихъ породъ и дать толчокъ къ усовершенствованію лошади отечественной.

Изъ преемниковъ Петра Великаго съ особой энергіей продолжала его начинанія Императрица Анна Іоанновна. При ней государственные заводы продолжали развиваться, и для нихъ пріобрѣтались лошади различныхъ европейскихъ породъ. Къ серединѣ

XVIII вѣка въ 18 казенныхъ заводахъ, изъ которыхъ десять были открыты вновь при Аннѣ Іоанновнѣ, числилось 4.417 лошадей: изъ нихъ около 300 принадлежали къ русскимъ породамъ.

Не меньше интересовалась коннозаводствомъ Императрица Елисавета Петровна, которая выкала во всѣ распоряженія руководителей конюшеннаго вѣдомства. Елисавета Петровна издала указъ о вынискѣ англійскихъ жеребцовъ, „кон по климату за наибольшіе признаются“. Императрица придавала большое значеніе какъ частнымъ, такъ и казеннымъ заводамъ, призваннымъ, по ея почину, служить рассадниками породныхъ производителей, путемъ ежегодной продажи лишнихъ лошадей частнымъ заводчикамъ. Чтобы поощрить дворянъ къ созданію новыхъ заводовъ и разведенію лошадей, годныхъ для службы въ полкахъ, Елисавета Петровна особымъ указомъ закрыла цѣлый рядъ казенныхъ ремонтныхъ заводовъ и приказала назначить высокую расцѣнку для ремонтныхъ лошадей, предлагаемыхъ помѣщикамъ. Эти мѣры привели къ росту частнаго коннозаводства.

Ко времени вступленія на престолъ Екатерины Великой Россія располагала уже обширнымъ конскимъ матеріаломъ и болѣе или менѣе организованнымъ коннозаводствомъ. На государственные заводы отпускалось ежегодно изъ казны болѣе милліона рублей; въ свою очередь, число частныхъ заводовъ, послѣ окончательной передачи въ ихъ руки кавалерійскаго ремонта, возросло до 250, и развитіе частнаго коннозаводства въ дальнѣйшемъ продолжалось уже безъ всякой помощи извнѣ, подъ вліяніемъ общаго процвѣтанія дворянства и нарожденія вельможныхъ родовъ съ колоссальными состояніями. Второстепенные роды подражали родовитымъ семьямъ. Недостатокъ научныхъ и техническихъ свѣдѣній покрывался до извѣстной степени широкимъ размахомъ, затратой крупныхъ суммъ на заводы и вкусомъ заводчиковъ.

Однако, въ то время для подбора заводскаго матеріала руководились исключительно его экстеріеромъ. Испытаній лошадей еще не существовало.

(Продолженіе въ слѣд. №).

Редакторъ-издатель Вл. Кривовъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПЕТРОГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОощРЕНІЯ РЫСИСТАГО КОННОЗАВОДСТВА.

БУДУТЬ:

Б Ъ Г А.

НОЯБРЬ: 9 (пр. на с. 15.143 руб. въ т. ч. „въ память гр. А. Г. ШЕРЕМЕТЕВОЙ“); **11** (доб.), **14** (пр. на с. 21.951 руб. въ т. ч. „въ память исполнившагося въ 1886 г. 25-лѣтняго юбилея Общества“); **16** (пр. на с. 20.330 руб. въ т. ч. „въ пам. Свѣтл. Кн. В. Д. ГОЛИЦЫНА“); **18** (доб.), **20, 23** (пр. на с. 21.985 руб. въ т. ч. „въ память бар. Е. Ѳ. МЕЙЕНДОРФА“); **25** (доб.), **27, 30** (пр. на с. 22.279 руб. въ т. ч. „въ память П. А. ДУБОВИЦКАГО“).

НАЧАЛО БѢГОВЪ: въ праздничные дни въ 1 часъ, въ будніе дни въ 2 часа дня.

БИБЛИОТЕКА ЧЕРКЕСОВА

переведена съ Невскаго, 54 на ГОРОХОВУЮ, 23 (бель-этажъ).

БЕЛЛЕТРИСТИКА. Книги и журналы по всеъм област. знаний. Франц. и англ. книги и журналы. Новый театральнй отдѣль. Кабин. для чтенія. □ Все отдѣлы дополнены и расширены.

Journaux et livres français.

□□□□□

English books and magazines.

ОТЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Затянувшаяся война прекращеніе дѣловыхъ сношеній съ западной Европой, принесла большія потери нашему дѣлу, сдѣлали невозможнымъ продолженіе изданія журнала, посвященнаго почти исключительно заграничной жизни. Поэтому редакция „Европейской Жизни“ принуждена прекратить свое изданіе и вошла въ соглашеніе съ издателемъ журнала „Столица и Усадьба“ относительно высылки этого журнала подписчикамъ „Европейской Жизни“, по срокъ ихъ подписки, т. е. до 1 Января 1915 г. Хотя „Столица и Усадьба“ стоитъ втрое дороже „Европейской Жизни“, намъ удалось устроить высылку „Столицы и Усадьбы“ безъ всякой доплаты со стороны своихъ подписчиковъ. Въ 1914 году подписчики „Европейской Жизни“ получили уже 8 очередныхъ №№ журнала и двѣ общинныхъ преміи—такимъ образомъ съ полученіемъ четырехъ номеровъ „Столицы и Усадьбы“, все обязательства нашей редакціи передъ подписчиками будутъ выполнены.

НОВАЯ КНИГА: **ВЛ. КРЫМОВЪ.**

ВЪ СТРАНѢ ЛЮБВИ И ЗЕМЛЯТРСЕНІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ странѣ миллиардеровъ.—Газета и реклама.—По Вестъ-Индіи.—Въ Панамѣ.—Въ странѣ любви и землетрясеній.—Кинематографъ мысли.—Странные рассказы.—Монте-Карло.

КНИГА СО СКЛАДА ВСЯ РАЗОШЛАСЬ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ **ВЛ. КРЫМОВЪ.**

(нѣсколько измененное и дополненное).

О РУЛЕТКѢ МОНТЕ-КАРЛО, ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ, ГАСТРОНОМИИ МОДАХЪ И О ПРОЧЕМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: О Монте-Карло и игрокахъ.—О литературѣ, порнографіи, гастрономіи и другомъ.—Изъ поѣздки въ Южн. Америку.—Изъ поѣздки въ Сѣв. Америку и по Зап. Европѣ.—Кинематографъ мысли.

Выписыв. изъ редакціи „Столица и Усадьба“ пересылка бесплатно.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись **А. Энглундъ** крас. черн. и марку **С.-Петербургской Косметической Лабораторіи**, которая имѣются на всехъ этикеткахъ. Получать можно во всехъ лучш. аптекахъ, аптек., косметич. и парфюм. складахъ Рос. Имперіи. Главныя агентства и склады фирмы для Европы: Вѣна—**Лео Глаубаухъ**, Кертнеръ Рингъ 3; Ницца—**Е. Лотаръ**. Главный складъ для всей Россіи.

А. ЭНГЛУНДЪ,
ПТГ., Новодеревенская наб., 15.

Поставщикъ Двора
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

**ТОВАРИЩЕСТВО
ПРОВИЗОРА
А. М. ОСТРОУМОВА.**

МАГАЗИНЫ: Москва: 1) Никольская, рядомъ съ «Славянскимъ Базаромъ». 2) Верхніе Торговые ряды, Владимірская линия, № 235. * Ялта—Набережная.

СКЛАДЫ: Петроградъ, Гороховая, 33.
Одесса, Малый пер., № 6.

Прейсъ-курранты высылаются **БЕЗПЛАТНО.**

НОВОСТИ:
**Одеколонъ, Духи, Мыло—
ЦВѢТЫ ФІАЛКИ.**

НЕВРАСТЕНІЯ

и нервныя заболѣванія, безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ Пель и С-ва С.П.Б.
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Гос. Третьяковская
ГАЛЛЕРЕЯ
№ —
БИБЛИОТЕКА

пчб
П 34 г.
39

Цѣна отд. номера 85 коп.